

Ю. ТАРСКИЙ
**ПОДВОДНАЯ ЛОДКА
УХОДИТ В ПОИСК**

Д

Цена 34 коп.

Ю. Тареккий

ПОДВОДНАЯ ЛОДКА УХОДИТ В ПОИСК

П О В Е С Т Ь

Издательство „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“ Москва 1986

Балтика. Военный 1942 год.

Из кронштадтской гавани ушли на поиски фашистских кораблей подводная лодка «Щука». Трудным и опасным было её плавание. У вражеских берегов подводную лодку подстерегали самолёты и сторожевые катера, ей пришлось проходить минные поля и выдерживать жестокие штормы.

Автор книги — моряк. Он начинал службу на море юнгой, плавал на подводных лодках матросом, старшиной, потом — офицером. Его книги всегда посвящены морю и морякам — сильным, умелым и удалым в труде и в бою людям.

Рисунки П. Павлинова

ЛИСТКИ ИЗ БЛОКНОТА

28 августа 1941.

...Четырнадцатый день в море. Вчера не записывал ничего. Некогда. Потопили немецкий транспорт, но и нам досталось. Четыре часа катера охранения гонялись за нами и бомбили. Оторвались от них только под вечер: ушли к самому берегу и легли на грунт. Они ещё долго бомбили в открытом море, пока мы отлёживались под их бережком.

Вчера вечером узнали — эвакуируется Таллин. Фашисты жмут. Рвутся к Ленинграду. Мы получили новую задачу. Нашей подводной лодке приказано прикрывать переход кораблей и транспортов из Таллина в Кронштадт.

29 августа 1941.

Всю ночь самым полным ходом шли на новую позицию. Утюжили прямо по минному полю. До чего же муторно! Но ничего — прошли. Над морем всё вре-

мя самолёты: то «юнкеры», то «мессершмитты». Не успеешь всплыть — снова ныряй под воду. Рядом прошли на Кронштадт наши транспорты и боевые корабли. Видели, как они отбиваются от самолётов. Всё небо в снарядных разрывах. Идём на юго-восток, ближе к Таллину.

Тревога! Бегу на боевой пост...

Вот так дела! В море подобрали мальчика с погибшего судна. Наверное, с «Веронии» — её спасательный круг плавал поблизости.

Я прибежал по тревоге в центральный пост, когда командир крикнул: «Всплывать!» Всплыли. Вдруг приказ: «Двум матросам наверх!» Старпом послал меня и боцмана Людова. Поднялись на мостик. Смотрим, в волнах что-то чернеет. Ближе подошли, видим — мальчик на доске. Я и Людов кубарем скатились с мостика и вытянули мальчика из воды.

Мальчишка беленький, лицо в конопушках, лет ему двенадцать-тринадцать. Лежит без сознания: глаза закрыты, зубы стиснуты. Мы подняли его на мостик и осторожно передали через люк в центральный пост.

Неужели не оживёт? Фельдшер от него ни на шаг. Искусственное дыхание, уколы, грелки — ничего не помогает.

Сволочи фашисты потопили безоружное госпитальное судно!

30 августа 1941.

Ура! Мальчишка ожил! Всю ночь бредил, стонал. Только под утро затих. И вдруг проснулся, попросил пить. С утра в командирской каюте, где он лежит, все наши перебивали. Кто несёт пайковый шоколад, кто — консервированный компот. Штурман Перовский принёс альбом с марками. А фельдшер всех гонит, потому что парнишка ещё очень плох.

В 17.00, когда мы всплыли, чтобы провентилировать отсеки, нас атаковал «мессершмитт». Камнем летели в глубину по срочному погружению. Всё же успел нас задеть, собака,— пулемётной очередью прошил ограждение рубки.

31 августа 1941.

Получили приказ возвратиться в Кронштадт. Идём на перископной глубине. Не идём — крадёмся. Вокруг каша из мин, противолодочных сетей и катеров-охотников. Весь горизонт в дыму. Горит наша земля...

Мальчик заговорил. Его зовут Валерка, фамилия — Рыжов. Отец Валерки, моряк, командир тральщика, пропал без вести с кораблём в начале войны. Мать, наверное, погибла на «Веронии»: она работала медсестрой в госпитале. Фельдшер говорит, что у Валерки воспаление лёгких и его жизнь в опасности.

3 сентября 1941.

Вчера ночью пришли в Кронштадт. Принесли письма. Мне — сразу три! Валерку отправили в госпиталь. Я помогал спускать носилки в катер. Когда вернулся в отсек, слышал, как наш командир Славин сказал старпому: «Мальца не теряйте из виду. Завтра же проведайте. И гостинцы не забудьте».

Что будет с этим парнишкой? Без отца, без матери... Война...

.
.
.

Торопливые записи фронтового дневника...

За скупыми, написанными наспех строками — трудные годы, события и люди, которые стали мне братьями.

Наш командир капитан-лейтенант Славин, боцман Людов, трюмный машинист Федосов, юнга Ры-

жов — о каждом из них можно написать отдельную повесть. Но сейчас мне хочется рассказать о них обо всех сразу, обо всём дружном боевом экипаже нашей балтийской «Щуки».

ЮНГА

Валерка скосил глаза на серо-зелёные круги иллюминаторов, но определить, ночь ли ещё или уже утро, не смог. Сон не идёт. Впрочем, Валерка и не пытается уснуть.

Он лежит на спине, смотрит в потолок и улыбается. Сам себе улыбается. Потом тихонечко шепчет:

— Я юнга... Юнга Валерий Рыжов!.. Юнга!..

Он произносит эти слова на разные голоса, любит ими и, забывшись, смеётся.

Он — Валерка Рыжов — юнга и член экипажа прославленной на весь Балтийский флот «Щуки»! Вон на тумбочке (протяни руку — достанешь) сложена его роба: синие брюки, просторная рубаша-голландка, гюйс — голубой воротничок с тремя белыми полосками — и настоящая матросская тельняшка. Он живёт на корабле, в кубрике. Слово-то какое — к-у-б-р-и-к! Как и все моряки, он становится в строй на утренних разводах, его фамилию выкликают на вечерних поверках. Он — Валерий Рыжов — состоит на котловом довольствии, и у него есть даже морской чемодан, парусиновый и удивительно прочный. В чемодан он сложит вещи, когда весной экипаж «Щуки» будет переселяться с плавучей базы на подводную лодку.

Нет у Валерки только боевого номера. У всех подводников есть, а у него нету. Не выдают, хоть и просил. «Не положено по штату». И ещё, нет у него личного оружия. Тоже, говорят, «не положено». А как здорово было бы нашить над карманом голландки

матерчатый прямоугольничек с номером боевого поста и получить во владение карабин, а ещё лучше — наган!..

Первые недели на госпитальном судне он едва помнил. Они сливались, мало что оставив в сознании. Иногда ему казалось — рядом стоит мама. Он видел её лицо, ощущал прохладную ладонь на лбу. Но тут откуда-то наплывал жёлтый туман. Он клубился, поднимался всё выше, выше, и лицо мамы медленно таяло в нём. Валерка кричал, не слыша себя, звал её. А из жёлтых клубов на него уже надвигалось что-то расплывчатое, тёмное и страшное...

И ещё, он часто слышал грохот последнего взрыва на «Веронии» и видел море — злое, сумрачное, слившееся с серым небом.

Он болел долго и тяжело. А потом начал вдруг быстро поправляться. И только поздними вечерами, когда не спалось, он вспоминал маму, гибель «Веронии» и долго ворочался на койке, пока не приходил сон. В эти минуты хотелось плакать... А потом он заметил: как только время к отбою, возле его койки непременно оказывается кто-нибудь из ходячих больных и заводит «баланду» со смехом и шутками. Весёлый народ подобрался в палате!

Однажды на утреннем обходе лечащий врач особенно долго выслушивал и выстукивал Валерку. Сунув, наконец, трубку в карман, весело сказал:

— Считай, оклемался, парень-паренёк! Скоро на выписку. С завтрашнего дня разрешаю подниматься на верхнюю палубу...

Каждый выход на палубу был для Валерки вроде праздника. Укутанный в огромный постовой тулуп, в шапке-ушанке, завязанной под подбородком, перепелёнатый крест-накрест тёплым шарфом, он в сопровождении санитары поднимался на капитанский мостик госпитального судна. И ни тяжеленный тулуп, ни ноябрьская стужа, ни даже по-девчачьи повязан-

ный шарф, над которым посмеивались матросы, не могли испортить радостного Валеркиного настроения.

Он взбирался по заледенелому трапу на мостик и надолго замирал, словно замороженный. Отсюда, с высоты, бухта была как на ладони. Повсюду мачты, трубы, надстройки, а в просветах между ними бескрайнее белое поле рейда, вмёрзшие в лёд заснеженные корабли, серые, точно отлитые из металла, бастиины кронштадтских фортов и перспектива уходящих вдаль суровых, под стать фортам, городских домов.

Больше всего Валерка любил смотреть на корабли. В левом углу бухты стояли борт о борт сторожевики «Туча», «Шквал», «Буран», «Шторм» — их называли дивизионом «плохой погоды». За сторожевиками высилась громада крейсера, позади него — эскадренные миноносцы и катера «морские охотники», а ещё дальше, в самом конце бухты, у длинных деревянных причалов выстроились рядами подводные лодки.

Он научился распознавать корабли даже по голосам и не путал басовитого и важного рёва эсминца с тоненьким и протяжным воем сирены тральщика или сторожевика. По одному лишь гудку мог сказать: вот идёт буксир «Портовик», а вот — «Ладога» или чумазая «Пахра».

Кронштадт жил своей особой, непонятной Валерке жизнью. Днём бурлил, как вода в кипящем котле: всё в непрерывном движении, все куда-то торопятся, словно боятся лишнюю минутку постоять на месте. Ночью город замирал. Лишь изредка чуткую тишину будил шорох шагов, приглушённый голос или рокот автомобиля. Но Кронштадт не спал. Как часовой на посту, он затаился в темноте, вооружённый и зоркий, готовый к любой неожиданности.

Накануне дня выписки Валерку вызвали к главному врачу. Туда его повёл санитар, пожилой уже

краснофлотец, которого многие, и Валерка в том числе, недолюбливали за сварливый и въедливый характер.

Путь до каюты главврача долгий — через все внутренние помещения громадного судна. Матрос шёл впереди не оглядываясь и что-то бормотал себе под нос. Наконец они пришли. И тут санитар удивил Валерку. Лицо его, ещё секунду назад кислое, расплылось в доброй улыбке. Он положил руку Валерке на плечо и, щекоча ухо горячим дыханием, зашептал:

— Ну, салажонок, ни пуха тебе ни пера. Сдаётся мне, за этой дверью начало твоей морской дороги. Иди, сынок, не робей...

Главный врач — рослый старик со сверкающей лысиной — вздел на горбатый нос очки, поморгал и отрывисто засмеялся, будто закашлялся:

— Кхе, кхе... Вот, капитан-лейтенант, и ваш драгоценный Рыжов — будущая гроза океанов. Прошу любить да жаловать.

С кресла поднялся худощавый, невысокого роста человек. Его глаза, тёмные, зоркие, внимательно рассматривали Валерку.

— Здравствуй, Валерий, — сказал он и протянул руку.

«Славин! Командир подлодки! — узнал Валерка. — Неужто за мной?!»

— Как здоровье, Валера? — спросил Славин.

— Ничего, — ответил Валерка. — Болеть надоело.

Славин и главный врач переглянулись; старик почему-то засмеялся, а Славин сел и показал Валерке на диванчик сбоку стола.

На столе затрезвонил телефон. Главный врач снял трубку, сказал сердито: «Я сейчас!» — и убежал из каюты. Валерка и Славин остались вдвоём.

Валерка сидел на краешке дивана, боясь шелох-

нуться. Его лицо и уши пылали. В мыслях было одно: «Возьмёт или не возьмёт?»

Поймав на себе брошенный украдкой взгляд мальчика, Славин улыбнулся, спросил:

— Мне передали, ты просишься к нам на лодку, хочешь стать моряком?

— Очень хочу! — горячо откликнулся Валерка.

— А как ты её себе представляешь, морскую службу?

Валерке и думать не надо. Кто-кто, а уж он-то знает точный ответ на такой простой вопрос! Начал бойко:

— Ну, это, значит, на мостике... Когда шторм или когда враги. Стоять, значит, у штурвала или стрелять из пушки. И чтобы всегда побеждать...

Он запнулся и умолк. Как на удивление, слов больше не было. Славин подождал, не скажет ли он ещё что-нибудь. Но Валерка молчал.

— Понятно, — сказал тогда Славин и почесал ямочку на подбородке. — А вот ты, например, что умеешь делать на корабле? У штурвала стоять можешь?

Валерка отрицательно мотнул головой.

— Может быть, ты изучал пушку? Умеешь её зарядить, точно навести на цель, выстрелить?

Валерка снова покачал головой.

— Тогда ты, наверное, знаешь устройство торпеды или как ставить мины?.. Может быть, разбираешься в корабельных машинах?..

Валерка потупился.

— Вот как? Значит, на корабле ты пока что делать ничего не умеешь, — подвёл безжалостный итог Славин.

— Но я научусь! Я буду стараться! — воскликнул Валерка.

— Это уж само собой разумеется, — как должное принял его обещание капитан-лейтенант. — Но давай

всё же разберёмся в том, как ты понимаешь морскую службу. Не возражаешь?

Валерка промолчал.

— Тебе представляется, что морская служба — это только вахты у штурвала, вечные штормы и тайфуны, красивая форма и флаги на мачтах. Так, что ли? В общем, сплошной праздник! — Славин засмеялся, но тут же согнал улыбку с лица. — Верно, и это есть в нашей службе. Только скажу по секрету, — он доверительно наклонился к Валерке, — праздников у нас маловато, всё больше будни — понедельники. И дисциплина строгая — всё расписано по полочкам от рассвета и до отбоя. И учиться надо много, а работать и того больше. И берега неделями не видим. И опасностей хоть отбавляй. Вот она какая, наша служба! Подходит ли она тебе? Крепко подумай, прежде чем сказать «да».

Валерка вскинул голову. Глаза его сияли.

— Ответ ясен без слов! — засмеялся Славин. Он привлёк Валерку к себе, но тут же отпустил и строгим командирским голосом приказал: — Отправляемся на свой корабль, юнга Рыжов. Тридцать минут вам на сборы!..

Валерка ветром ворвался в госпитальную каюту. Все засуетились, собирая его в дорогу. Валеркой больше не называли — только «юнгой». С разных концов палаты слышались советы и напутствия. На трапе старый боцман «Зари» пожал ему руку на прощание и сказал как равный равному:

— Счастливого плавания тебе, юнга, и сорок футов под килем. Может, ещё и послужим вместе. Будь счастлив, моряк...

А как встретили его на подводной лодке! И мотористы, и акустики, и электрики — все звали к себе и доказывали: только у них он научится настоящему моряцкому делу. Но капитан-лейтенант Славин рассудил по-своему:

— Быть Рыжову рулевым-сигнальщиком. Во-первых, специальность изучить проще, а во-вторых, там Людов. Уверен, лучшей няньки для мальчика не сыскать...

Вот так Валерка попал в рулевые-сигнальщики под начало корабельного боцмана, старшины первой статьи Людова.

Ох и замечательная у них группа! Лучшая на подплаве — уверен Валерка.

И старшина Людов на подводных лодках человек приметный. По летам моложе многих, но зовут его не иначе как Иваном Григорьевичем. С ним все советуются — и штурман, и механик, и даже сам старший помощник командира.

Валерка старшину здорово уважает, но, по правде говоря, до сих пор не поймёт, как же сам Людов к нему относится — хорошо или плохо. С одной стороны, вроде бы хорошо: обмундирование ему самолично под рост подогнал, лучший кусок с камбуза — опять же Валерке, сигнальному и рулевому делу обучает, про устройство подводной лодки рассказывает. А с другой стороны, вроде бы и не очень хорошо. К каждому пустяку придирается. Не так повернулся: «Сиди прямо, Рыжов!» Словечко шепнул на занятии или засмотрелся в иллюминатор, а он уже: «Не егизи, юнга!» И потом, эта боцманова затея с уроками!

Мало ему занятий по специальности, так он настоящую школу для Валерки открыл. Повесил в центральном посту расписание уроков и назначил матросов учителями по всем предметам: одного по русскому языку и литературе, другого по природоведению, третьего по арифметике. Тетрадок не было — выдал Валерке толстую книжищу с надписями: «Приход», «Расход» — и деревянную вставку, а самопиской писать запретил. «Непедагогично, — сказал. — Почерк испортишь».

Интересное дело получается! Вокруг Ленинграда

фашисты, все воюют, а ты зубри глаголы, учи про лягушку и решай задачи на проценты, будто ты и не юнга вовсе, не моряк! Отвык Валерка уроки учить, да и задают эти учителя по сколько: побольше, чем в настоящей школе.

Разве ж не обидно: кто идёт на вахту, кто — в патруль, кто — на ремонт лодки, а ты торчи у стола как привязанный! Валерка обижался, обижался, а потом взял да и пожаловался на боцмана лейтенанту Перовскому, штурману. А тот говорит: «Молодец Людов. Благодарность ему объявлю, а вас, юнга, если будете нарушать распорядок дня, накажу». И ещё про то, что ученье — свет, а неученье — тьма, и про разных великих людей долго объяснял, у которых Валерке надо всю жизнь учиться и набираться ума-разума...

Всё же насчёт распорядка дня штурман зря говорил. К распорядку дня Валерка привык. «Применился», — говорит старшина Людов.

А корабельный распорядок этот уж как строг! В шесть утра — и ни минутой позже! — подъём. Затем физзарядка на палубе, умывание, завтрак. С восьми — работа или занятия. После обеда короткий отдых и снова работа. В семь вечера — ужин, в десять — вечерняя поверка. В одиннадцать — отбой и сон. И так моряки живут изо дня в день, из года в год. И всё — по сигналу горна или заливистой боцманской дудки. И всё — быстро, бегом, мигом.

Туго приходится непривычным к такому режиму, нерасторопным, соням. Только и знай пошевеливайся. А станешь плестись в хвосте, опаздывать — горюшкахватишь: старшины — народ глазастый, вмиг «выводы» сделают, а у матросов языки острее бритвы. Лентяев и раззяв — их тут «сачками» зовут — моряки не терпят. Для них «сачок» самый распоследний человек.

Только к Валерке это не относится. Какой он са-

чок! Вот только утром глаза почему-то никак не открываются. И не спишь, а веки тяжёлые, не разлепить. Хорошо, друзей у него много — выручают. Чуть разоспишься — дёрнут за пятку, одеяло долой, и ты уже на ногах. По этой причине ему и от дежурных старшин почти не попадало. Ну, может, когда и попадало, так самую малость...

И ещё он подумал: «Скоро зиме конец. Залив очистится ото льда, перейдём жить с плавбазы на лодку — и в поход. Только бы взяли, не оставили в Кронштадте...» И уже видел себя на вахте в открытом море — то у руля, то на мостике с сигнальными флажками. В груди у него замирало, и сердце билось часто-часто...

Задумался Валерка и не услышал, как просвистела подъём боцманская дудка, не заметил и того, что в кубрике все уже оделись. Очнулся от сердитого оклика:

— А ты чего прохлаждаешься, юнга? Особого приглашения ждёшь?

Особого приглашения он, конечно, не ждал: мигом вскочил с постели, натянул брюки, сунул ноги в ботинки и помчался вслед за матросами на верхнюю палубу.

На самой вершине трапа Валерка оступился и пребольно стукнулся о ступеньку коленкой. Припрыгивая на одной ноге, стараясь не встречаться с укоризненными взглядами матросов, поспешно занял своё место в общем строю. И вовремя — тут же старшина Людов скомандовал:

— На вытянутые руки разомкнись! Первое упражнение: ноги на ширину плеч, руки в стороны. Делай!.. И-и-и — раз!.. И-и-и — два!..

Так начался ещё один день Валеркиной флотской жизни — день обычный, ничем не отличающийся от других.

„ПЕРСОНАЛЬНОЕ“ ЗАДАНИЕ

Весну все ожидали с нетерпением. Но она не торопилась. Весна хитрила, подкрадывалась незаметно. И вдруг в один из дней всё вокруг удивительно преобразилось.

Небо очистилось от туч, засияло солнце. Ручьи с журчанием разъедали набухший влагой снег. Среди подводников только и разговоров, что о скором выходе в море. Всем до чёртиков надоело сидеть в скованной льдом гавани, хотелось поскорее переселиться на подводную лодку, почувствовать под ногами валкую палубу, полной грудью вдохнуть солёного морского воздуха.

Работа по ремонту «Щуки» заметно оживилась. Моряки готовы были трудиться от зари до зари, и старшинам нередко приходилось покрикивать на подчинённых, выпроваживая их на плавучую базу после окончания работы. Стук пневматических молотков и треск электросварки не умолкали и ночью.

Только в обеденный перерыв, когда командир обычно собирал моряков на короткую политинформацию, наступало затишье.

Все слушали его внимательно, а потом толпились у карты и долго смотрели на волнистую линию фронта.

— Эх, скорей бы в море! — вырывалось у кого-либо из подводников, и снова тишина.

Но зато потом ещё злее трещали молотки, ещё быстрее работали матросские руки.

И Валерка тоже не сидел без дела. Работы у него было по горло. Только покажется на причале, а уже кто-нибудь из моряков кричит:

— Юнга! Подсоби, друг!

И Валерка помогал закручивать гайку или подавал нужный инструмент. Минутки не пройдёт, а с другого конца лодки уже несётся:

— Юнга! Тащи живее сурик!

И Валерка стремглав мчался на шкиперский склад и, сгибаясь под тяжестью ноши, спешил обратно. Не успевал вытереть пот с лица, как снова задание:

— Юнга! Ветошь и пакля кончаются, беги в батареку — одна нога здесь, другая там.

И так весь день. Вечером вернётся на плавбазу — ноги гудят. Голову на подушку приклонить не успеет — уже спит. Но работа была Валерке не в тягость. Зато как интересно всё! Меняют в третьем отсеке элементы аккумуляторной батареи — он тут как тут: электрикам первый помощник. Трюмные машинисты принимаются красить цистерны — Валерка трудится с ними. Закончили с цистернами, можно бы и отдохнуть, да куда там — в седьмом отсеке трюм собираются чистить! Нужно людям помочь? Вот то-то и оно! Так и проходят все дни...

На лодке шла учёба. Все разбежались по боевым постам, и отсеки затихли.

Старшина Людов занимался с рулевыми сигнальным делом, а Валерке дал «персональное» задание. Отобрав флажки, которыми Валерка заранее запасся, он сказал:

— Тебе, юнга, изучать устройство подводной лодки. Час на путешествие по отсекам, час займись со схемами — вот тебе альбом. Освобожусь — проверю, как усвоил. Помни, скоро экзамен.

Вообще подводники здорово изучают устройство своего корабля. Ночью разбуди — на любой вопрос ответят. И так все: от командира лодки до кока. Капитан-лейтенант Славин говорит: «Подводник обязан знать свой боевой пост, отсек и всю лодку как собственные пять пальцев, иначе он не подводник, а из тех, кто на подводах ездит».

Валерка вначале удивлялся: к чему торпедисту знать, как устроена помпа для откачки воды, мото-

ристу уметь управлять рулём, а радисту включать электромоторы или открывать кингстоны и клапаны вентиляции цистерн?

— А иначе нельзя,— объяснил Людов.— Подлодка — корабль небольшой, а машинам и приборам на ней счёту нет. Управься-ка с ними, если в своём деле не мастер! В бою под водой всяко бывает. Палуба наперекосяк, вода из пробоин хлещет, света нет, и товарищи твои заняты или, того хуже, вышли из строя. Вот и учимся в каждый миг товарищу на помощь прийти, суметь выполнить любую работу.

А лейтенант Перовский, который слышал их разговор, сказал так:

— Для подводников, юнга, девиз «один за всех, все за одного» — главный закон в жизни. О нас говорят: «подводное братство». И не зря. Мы всегда вместе: и на отдыхе и в бою. Трудно товарищу — помогаем ему, тебе трудно — друзья помогут...

Крепко запомнился Валерке этот разговор. Вот и сейчас уж как хотелось ему вместе с рулевыми заняться любимым сигнальным делом, но не возразил старшине, ухватил альбом со схемами под мышку, отчеканил: «Есть, товарищ старшина!» — и шагом марш в четвёртый отсек.

Отсюда и началось его «путешествие» по лодке. Во всех отсеках есть на что поглядеть, но самый интересный — четвёртый. Механизмам и приборам тут нет числа — глаза разбегаются. Это центральный пост. Его ещё называют главным командным пунктом корабля. Отсюда командир управляет лодкой под водой.

Посередине отсека два перископа: один сейчас опущен, другой поднят. Под ним шахта — узкая вертикальная труба, в которую прячется перископ, когда его опускают. Валерка присвистнул: конца трубы и не видно — наверное, идёт до самого днища «Щуки».

Возле перископа работал штурманский электрик Зинин — замшевой тряпочкой протирал окуляры. Про устройство перископа старшина Зинин уже рассказывал, но вот в перископ Валерка ещё ни разу не глядел — то перископ опущен, то старшине недосуг, то сам Валерка чем-нибудь занят. А уж как охота хоть краешком глаза заглянуть в окуляр! Может, сейчас разрешит Зинин — ведь обещал.

— Можно? — без особой надежды попросил Валерка.

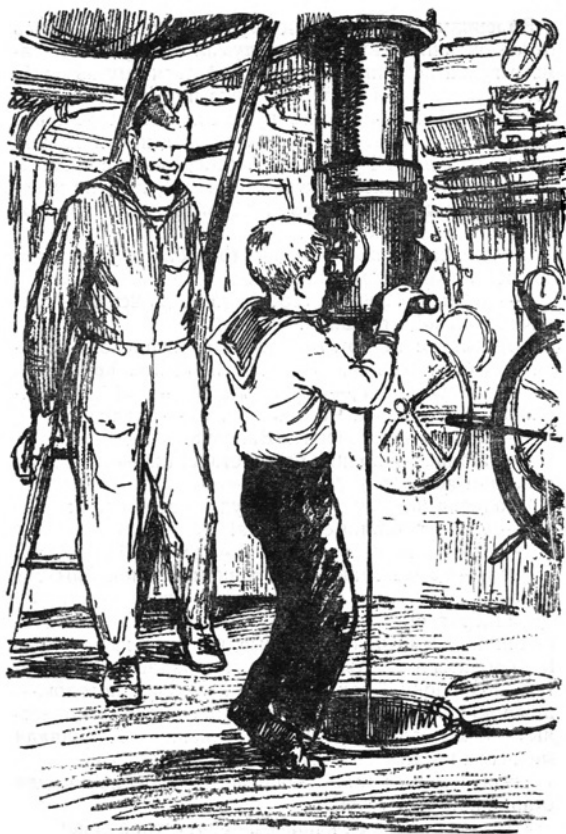
— Гляди, если охота, — разрешил старшина. — Только ничего не крути.

Валерка положил ладони на прохладные эбонитовые рукоятки, которыми поворачивают перископ, чуть приподнялся на цыпочках и затаив дыхание заглянул в фиолетовый искрящийся глазок окуляра.

Перед ним раскинулась бухта. Валерка будто стоял в её середине. Вдали виднелись сторожевики из дивизиона «плохой погоды». Буксир «Народоволец» медленно тянул за собой огромную землечерпалку. Какое-то большое судно неторопливо отходило от причала.

Однако и корабли и дома позади них были маленькие: такими он видел их обычно, если смотрел с палубы безо всякого перископа. Это немного разочаровало. А он-то думал, в перископ лучше, чем в любой бинокль, видно.

Позабыв о предупреждении Зинина, Валерка передвинул одну из рукояток и отшатнулся от неожиданности: далёкие корабли вдруг появились рядом, словно перенеслись сюда на ковре-самолёте. Была видна каждая заклёпочка в их серых бортах. Матросы, сбившиеся в тесную кучу на баке, улыбались. А «Народоволец» оказался ещё ближе — весь даже не вмещался в окуляр. На его мостике толстяк капитан с короткой трубкой-носогрейкой в углу рта, грудью привалился к поручню и задумчиво смотрит

Валерка начал поворачивать перископ.

в Валеркину сторону. Над трубой буксира взвилось белое облачко. «Гудит»,— подумал Валерка. Но самого гудка не услышал — не пробиться ему из далёкого далека через стальные борта подлодки.

Валерка навалился на рукоятки всей тяжестью, начал поворачивать перископ, и перед ним поплыли, как в кино, дома Кронштадта, набережная с крошечными движущимися фигурками людей, танк на перекрёстке с задранной к небу пушкой. И ни звука, будто всё онемело вокруг.

Неизвестно, как долго простоял бы он у перископа, но пришёл старшина Людов.

— Однако отыскал себе дело по душеньке,— покачал головой старшина.

Валерка с трудом оторвался от перископа. Спорить не стал — с начальниками спорить не положено.

— Сделаем так,— сказал Людов,— я буду спрашивать, ты отвечай. Чего не знаешь — объясню.

— Ладно,— согласился Валерка.

— Ладно? — поднял брови старшина.— Разве так отвечают военные моряки?

Валерка подтянулся, гаркнул на весь отсек:

— Есть, товарищ старшина!

— Вот теперь правильно,— без улыбки сказал Людов.— Какие главные механизмы и приборы тут знаешь?

Валерка оглядел центральный пост. Со всех сторон на него смотрели овальные, круглые, квадратные циферблаты и шкалы. В разных направлениях по бортам, подволоку — так на лодке называют потолок,— даже по палубе тянулись трубопроводы и разноцветные жилы электрических кабелей. Поблёскивали медные и никелированные клапаны, рукоятки.

— Начиная с правого борта,— пришёл на помощь старшина.— Я слушаю.

Валерка подошёл к правому борту, тронул небольшой штурвал:

— Это вертикальный руль, им управляют по курсу. Это штурвалы носовых и кормовых горизонтальных рулей, они помогают лодке погружаться или всплывать.

— Верно,— похвалил боцман и показал на красно-белый щит.— А это что такое?

— Станция погружения и всплытия. А это гирокомпас... Машинный телеграф... А вот перископы: командирский — для атаки и зенитный — чтобы наблюдать за самолётами из-под воды...

— Достаточно,— остановил Людов.— А что ты знаешь о цистернах?

— Их много! — брякнул Валерка.

Боцман пожал плечами.

— Звёзд на небе ещё больше, но каждая имеет своё название.

— Есть главные цистерны...— начал Валерка без особой уверенности.

— Главного балласта,— поправил Людов.

— Главного балласта,— как эхо, повторил юнга.— Когда их заполняют водой, лодка погружается, а когда продувают сжатым воздухом — всплывает. Потом, есть цистерны для топлива, для воды... И ещё торпедные цистерны...

— Торпедозаместительные, — подсказал боцман.— А для чего они?

— Когда выстрелят торпеды, эти цистерны сразу заполняют водой, чтобы лодка не выскочила на поверхность и не выдала себя врагу...

Людов спрашивал придирчиво. Он побывал с Валеркой ещё в трёх отсеках. Отпуская юнгу, недовольно сказал:

— «Может быть», «наверное», «так сказать»... Бродишь вокруг да около, а надо бить точно в цель. В общем, слабо. Иди займись схемами.

«Вот так да! — огорчился Валерка.— А я-то думал, уже не хуже других всё знаю...»

Заниматься со схемами лучше всего в кают-компании. В отсеке безлюдно и тихо, только вахтенный трюмный машинист Костя Федосов чинит в углу какой-то прибор. Маленькой отвёрткой подкручивает винты и мурлычет песенку без начала и без конца. Обе руки у него заняты. Оглянувшись, попросил Валерку:

— Поддай, милоч, накидной ключ десять на двенадцать. Не дотянуться мне.

Валерка покопался в инструментальном ящике, отнёс Федосову ключ.

Трюмный потребовал:

— А теперь поддержи. Видишь, не с руки мне. Вот тут держи. Правильно... Да не тяни, не дёргай... Молодец, соображаешь,— похвалил он.— Ну иди занимайся, теперь и сам управлюсь.

Валерка разложил схемы на узком столе и принялся водить по ним пальцем. Разбираться в схемах его научил старшина Людов. Сначала было трудно, путал, а сейчас уже ничего, освоился. Если на схеме красная линия — это трубопровод сжатого воздуха, зелёная — путь воды, чёрная — электрические кабели. Валерка глядит в схему, будто книжку по буквам читает. А Федосов встал за спиной, улыбается. Потом спрашивает:

— Грызёшь гранит науки, юнга?

— Грызу,— говорит Валерка.

— А на вопрос ответишь? Сколько, к примеру, корпусов у нашей «Щуки»?

— Два,— тут же говорит Валерка. Про это он ещё на прошлой неделе узнал.— Они — один в другом, как ручка в круглом пенале. Тот, который внутри,— прочный, из толстой стали, а тот, что снаружи,— лёгкий, его приваривают к прочному корпусу, чтобы лодка была обтекаемой.

— Скажи-ка на милость! — покачал головой Федосов и поднял глаза к потолку: наверное, новый во-

прос придумывал.— Так, так... А за сколько минут можно погрузиться под воду?

Валерка даже засмеялся. Это он его, рулевого юнгу, о таких пустяках спрашивает!

— За полминутки. Только боцман Людов говорит, в прошлом году даже быстрее погружались.

— Ну дока! — всплеснул руками Федосов. — Теперь самое трудное: сколько нужно дров для камбуза, если лодка идёт в поход на месяц? Только не тяни. Считаю до трёх. Раз... два...

Валерка фыркнул. Нашёл на чём ловить! Кому не известно, что камбуз на подводной лодке отапливается электричеством. А Федосов хохочет-заливается.

— Молодчина, — говорит. — Соображаешь. Ещё немного посолишься в морской водице и станешь настоящим подводником.

Отошёл Федосов, снова занялся своим прибором. Валерка склонился над схемами. Время летит быстро. Вдруг Федосов опять голос подаёт:

— Валера, это правда, будто ты надумал в лётчики податься?

— В лётчики? — удивился Валерка. — Почему?

— Говорят, высоту больно любишь. На мачту заберёшься — не снять. А у них, у авиаторов, первое дело что? Вы-со-та!

У Валерки вспыхнули кончики ушей.

— Не мешай заниматься! — буркнул он и уткнулся в схему, словно и не заметил ухмылки трюмного.

Да-а, не очень-то здорово получилось тогда с этой мачтой. Вспоминать не хочется...

НА МАРСЕ

Это случилось ещё в конце февраля, когда плавбаза «Днепр», на которой живёт экипаж «Щуки», стояла на якорях на рейде. В те дни фашистские самолёты часто налетали на Кронштадт, и потому адми-

рал распорядился установить наблюдательную вахту на марсовой площадке фок-мачты. Наблюдателями назначали подводников поглазастей, а чтобы они не окоченели на пронизывающем ветру, их меняли через каждые два часа.

Полдня Валерка ходил тенью за Людовым — всё канючил, чтобы и ему разрешили дежурить на мачте в очередь с матросами. Старшина долго не соглашался, даже наряд вне очереди посулил, если не отстанет, а потом сдался. Только спросил:

— А ты уже лазал на марс? Не побоишься?

— Не побоюсь.

— Хорошо, ступай. Да оденься потеплее.

Валерка — бегом в кубрик. Натянул на себя тёплое бельё, ватные штаны, полушубок, надел валенки с шерстяными портянками, завязал шнурки ушанки под подбородком — и на палубу. А старшина уже ждёт, прохаживается возле мачты. Осмотрел Валерку, пояс ему потуже затянул.

— Полезай,— говорит, а у самого в глазах тревога.

Валерка не мешкая направился к мачте. Полез. До середины добрался, глядит, качается мачта: медленно кренится то вправо, то влево. И поскрипывает, потрескивает, гудит.

Чем выше поднимается Валерка, тем качка круче и ветер сильнее. Одолеl ещё несколько ступеней. Марс уже рядом: видны краспицы — стальные толстенные брусья, на которых лежит марсовая площадка; сквозь открытый овальный люк улыбается Федосов. Смотрит на Валерку, щурится от ветра и что-то говорит: губы шевелятся, но слов не слышно, будто в немом кино.

Валерка хотел крикнуть Федосову: «Говори громче!», но тут нога соскользнула с обледенелой ступеньки. Он повис в воздухе.

Мачта качается из стороны в сторону, и он качает-

ся вместе с ней, как маятник. Глянул вниз — дух спёрло и руки сами чуть-чуть не разжались. Море под ним в пене, палуба перекашивается, на ней белая точка — запрокинутое лицо старшины.

Валерка ловит ступеньку ногой — никак не поймает. А сил уже нет, пальцы совсем ослабели. Наконец дотянулся носком валенка до ступеньки и начал дальше взбираться. Кое-как добрался до марса и просунулся в узкий люк. Поднялся на ноги, а они подгибаются. Сердце колотится, вот-вот выпрыгнет из груди, и во всём теле слабость — сесть бы. А тут ещё Федосов со своими расспросами.

— Как долез? — спрашивает.

— Нормально...

— А на обед что сегодня давали? А компот с чем? А кино будет?

Валерка ответит ему и снова молчит. Вниз не смотрит. Глаза бы не глядели на мельтешащие волны, на палубу, которая и секунды не стоит на месте — всё кренится и кренится.

— Уж больно ты неразговорчивый... — рассердился Федосов, передал Валерке бинокль и спустился вниз.

Валерка остался один. Ходит по марсу вокруг прожектора, в бинокль горизонт и небо рассматривает. Бродит успокоился, даже вниз нет-нет взглянет. Но пришло время сменяться, и опять всё внутри похолодело. Привязался он к новому вахтенному:

— Я ещё постою, не замёрз. Мне тут интересно. Ну пожалуйста...

Матрос удивился. Сказал:

— Стой, коли охота, — и полез вниз.

Свою и две чужие вахты отшагал Валерка на марсе, пока дело дошло до самого старшины Людова. Тот поднялся на мачту. У Валерки лицо багровое, губы синие и зуб на зуб не попадает. Боцман сначала как закричит: «Ты что, такой-сякой!..» А потом сразу

тихонечко: «Давай, говорит, Валера, проведём тренировку. Мы в шторм всегда так делаем». Затянул верёвочную петлю на Валеркином поясе, конец взял в руку и скомандовал:

— Спускайся, я за тобой следом!

Внизу спросил:

— Испугался?

— Нет.

— Я так и думал,— сказал Людов и внимательно-внимательно посмотрел на Валерку.— А я, знаешь, когда впервые пришлось на мачту лезть, очень опасался. Упаду, думаю, и косточек не соберут.

— Потом как же?

— Привык. Говорят, клин клином вышибают. Вот и я так. Раз десять поднялся — и страх вон. Ну беги, грейся...

«Наверное, теперь думает, что я трус. И все будут так думать. И выгонят меня из подводников», — ужаснулся Валерка.

Сколько раз после того случая он ходил к мачте. Подойдёт, постоит, примерится — и назад. Вчера всё же решился. Полез. До середины добрался, дальше — пороку не хватило. Спустился на палубу, ноги дрожат. Постоял немного, отдышался — снова полез.

Чуть повыше вскарабкался. Марс почти рядом. Глянул вниз и с глазами старшины встретился. А Людов отвернулся, будто не видит его, и пошёл с палубы по каким-то своим делам.

Ну да ничего, он ещё одолеет эту мачту. Не сегодня, так завтра. Он докажет всем, что не трус.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Такого ясного и тёплого вечера в ту весну, кажется, ещё не было. Днём над Кронштадтом прошёл дождь. Он принимался лить несколько раз, был по-

летнему коротким и яростным. К вечеру дождь перестал, и свежая моряна разогнала тучи. Появилось солнце. Оно неподвижно повисло над промытыми до чиста крышами домов. В небе то тут, то там вспыхивали яркие искорки. Это сверкали серебристые облочки аэростатов воздушного заграждения. Как гигантские сонные рыбы, подставляя солнцу то один, то другой бок, они лениво плавали в голубом небе.

По-шмелиному жужжа моторами, в вышине пронеслась стайка истребителей. Это воздушный кордон. Где-то хрипло пропел заводской гудок. По набережной, громко урча и оставляя за собой шлейфы сизого дыма, пронеслась колонна крытых военных грузовиков. Навстречу им прошагал отряд моряков-новобранцев. Молодые матросы старательно, но не очень умело отбивали шаг на не просохшей ещё мостовой.

На плавучей базе «Днепр» и ошвартованных к её борту подводных лодках тишина. Слышны лишь отголоски доносящихся с берега звуков и всплески волн, короткие и тяжёлые. В воде близ кораблей покачиваются чайки. Одна из них подплывает к самому борту плавбазы и долго смотрит на людей красными печальными глазами.

На палубах плавбазы и подводных лодок выстроились шеренги моряков. Ветер завивает кольцами ленточки бескозырок.

Через несколько минут корабли спустят флаги, а на рассвете «Шука» впервые в этом году уйдёт в долгий и далёкий боевой поход.

Засиделись подводники в базе, истосковались по солёному морскому ветру. Что поход не за горами, было давно уже видно по многим признакам. К примеру, позавчера грузили на лодку продукты и принимали соляр для дизелей. Вчера штурман принёс карту южной части Балтийского моря и всю ночь напролёт корректировал её красными несмывающимися чернилами. Сегодня подали заявку на торпеды

и снаряды для пушек. И потом, все эти дни командир весёлый: не ходит — летает. О чём всё это говорит? Вот то-то и оно!

Валерка в строю левофланговый. Это значит, в шеренге он последний, и нужно привстать на цыпочки, чтобы увидеть происходящее у рубки. А там стоит адмирал Гром, командир соединения подводных лодок, и рядом с ним Славин. О чём они беседуют?.. Не о походе ли?

Голос у адмирала хриплый, негромкий, но каждое слово доносилось отчётливо. Гром говорил:

— В этом году вы первыми уходите в плавание. Дело трудное, да ведь надо кому-то быть первыми. Разведка — нелёгкий хлеб, — покачал он головой. — Только помните, командир, противник всегда...

Визгливый свисток проходившего мимо буксира заглушил последние слова адмирала. Мелкие крутые волны, поднятые судёнышком, быстро домчались до подводных лодок и с рокотом ударили в их борта. Раздалась команда:

— На флаг и гюйс, смирно!

Испуганные чайки взметнулись кверху и с громким клёкотом полетели прочь.

— Флаг и гюйс спустить! — разноголосо пропели дежурные на кораблях.

«А-а-а-г... и-и-ить...» — затерялось в глубине бухты многократно повторенное эхо. Переливаясь нежным серебряным звоном, на кораблях разом ударили склянки.

Тяжёлое полотнище флага дрогнуло в руках вахтенного сигнальщика и медленно поползло по флагштоку.

Адмирал Гром и Славин пошли вдоль матросского строя. Адмирал не спешил. Возле каждого моряка он останавливался: одному говорил что-нибудь — он ведь тут знал всех, — другому только пожимал руку.

У Валерки вспотели ладони. Он переступил с ноги на ногу, а стоящий сбоку матрос сердито приструнил:

— Не егози, юнга!

Валерка покосился на приближающегося адмирала и замер, боясь шелохнуться.

— Что это с юнгой, будто аршин проглотил, бедняга? — произнёс над головой знакомый, с хрипотцой голос.

Валерка поднял глаза и встретился с весёлым взглядом адмирала. Гром спросил:

— Как служба идёт, юнга?

— Хорошо идёт... Привыкаю, — выдавил из себя Валерка.

По вспышке улыбки и по тому, как быстро эта вспышка погасла, он понял: адмирал уже не думает о нём, у него какие-то свои мысли.

— А знаешь, Рыжов, — сказал адмирал, — и я когда-то начинал флотскую службу юнгой...

Валерка попытался представить себе этого пожилого, грузного человека юнгой, но не смог. А Гром обернулся к командиру подводной лодки:

— Юнгу в боевой поход не брать. Оставьте в Кронштадте на попечение командира плавбазы. Скажете, я приказал.

— Как — на плавбазе? — пролепетал Валерка. — Я в море хочу... Я...

— Ты, юнга, не унывай. Твои дальние походы все впереди, — утешил адмирал и потрепал Валерку по плечу. — Да и что тебе делать в море? Небось ничему ещё не обучен, а боевой поход не прогулка.

Валерка шмыгнул носом; не поднимая головы, сказал:

— Обученный я... За сигнальщика могу.

— Вот как? Это верно, командир? — спросил адмирал у Славина.

Капитан-лейтенант подтвердил:

— Точно. Флажный и световой семафор принимает как заправский матрос.

— Молодчина, коли так,— с доброй улыбкой похвалил адмирал, но, встретив направленный в упор молящий взгляд, посуровел и строго отрезал: — И не проси. Не пришёл ещё твой черёд идти в бой, юнга Рыжов.

Сказал и ушёл. Шаги его замерли за рубкой, а Валерка всё стоял с опущенной головой и не видел ничего, кроме маленького кусочка палубы под ногами...

Ночью на Кронштадт опустился туман. Воздух сделался липким и холодным. Сквозь зыбкую пелену тумана едва проступали смутные пятна синих маскировочных ламп. На кораблях дважды пробили склянки. Два часа ночи! Тягучий медный перезвон долго перекатывался из края в край гавани. Город спал, но в военном порту по-прежнему кипела работа. Возвращались с моря и уходили в боевые походы корабли, гремели якорные цепи, визгливо тархтели лебёдки подъёмных кранов.

«Щука» ещё с вечера перешла в Минную гавань и ошвартовалась у одного из причалов. На неё грузили торпеды и снаряды. Моряки за день утомились, но работа подвигалась быстро и без суеты. Голосов командиров боевых частей и старшин почти не было слышно — каждый матрос знал, что должен делать.

Уходя в штаб флота, Славин наказал старшему помощнику отправить юнгу со свободным матросом на плавучую базу. Но, видно, старпом был занят более важными делами, и Валерку пока никто не трогал.

Вначале он обрадовался этому — можно остаться и посмотреть, как подводники готовятся к боевому походу, и даже проводить их, когда на рассвете «Щука» оторвётся от причала. И ещё: если уж говорить по-честному, не угасла надежда, что за ночь коман-

Валерка вывел крупными буквами: «За маму».

дир, может быть, передумает и скажет ему: «Ладно, юнга, собирайся. Берём тебя в море». Но пока Славина не было, пока он не произнёс эти магические слова, Валерка во все глаза смотрел на работу моряков, стараясь не пропустить ни одной мелочи, и держался подальше от старпома и Людова, которые ненароком могли вспомнить о нём и, не дай бог, отправить на плавбазу.

Интереснее всего, конечно, было там, где грузили торпеды. По узеньким рельсам, проложенным вдоль причала, матросы подкатывали к борту «Щуки» тележки с торпедами. Хищно вытянутые рыбы тела торпед лоснились от густой коричневой смазки. Середину каждой торпеды охватывал широкий стальной пояс с массивным кольцом. За это кольцо зацепят крюк подъёмного крана, чтобы поднять с причала и бережно опустить тяжёлый груз в зияющее жерло торпедного аппарата или в торпедопогрузочный люк.

На каждой торпедке было что-нибудь написано. Матросы и старшины подходили к тележкам и писали, водя пальцем по смазанному боку торпеды. Федосов написал «За Родину!», Ваньков — «Получайте, фашисты, подарок!», старшина Зинин — «За любимый Ленинград!», а моторист Евдокимов, высокий, худой, всегда хмурый, прикусив кончик языка, старательно вывел: «Гитлеру в поганую пасть!» — поставил три восклицательных знака и пририсовал чудище с чёлкой и усиками под длиннющим носом.

Уж как хотелось и Валерке поставить свою подпись, да не решался, боялся, старпом прогонит. Спасибо Федосову — увидел его и позвал:

— Подходи, салажонок, поставь и ты свой штемпель на нежном письмеце фюреру. Не робей, воробей, она, родимая, своих не кусает, — и нежно прищёпнул по маслянистому боку торпеды.

Матросы засмеялись, но Валерка не обиделся, мигом подбежал к тележке. Занёс руку над торпедой и

растерялся: никак не мог придумать, что бы такое написать.

— Что же ты? — заторопил его кто-то из матросов.

— Поехали, что ли? — нетерпеливо сказал другой и налёг плечом на тележку.

Но Федосов легонько отстранил его, покачал головой.

— И чего торопишься, человеке? Может, юнга стих сочиняет? Дело не простое — деликатное, времени требует.

Матросы снова засмеялись. И тут Валерка вдруг понял, что надо написать. Пачкая палец рыжим маслом, вывел крупными буквами: «За маму» — и поставил точку. Подумал немного и пририсовал над точкой жирную черту: получился восклицательный знак. Не очень хорошо получился — изогнулся на один бок. А потом взглянул на матросов. Они не смеялись. Лица у всех были серьёзные. Встретившись взглядом с Валеркой, Федосов вздохнул и опустил голову.

— Да-а, моряки, самое что ни на есть главное юнга написал, — будто про себя, тихо сказал моторист Евдокимов. Он поправил Валеркин восклицательный знак и задумчиво повторил: — Самое главное...

Тележку с торпедой покатали дальше. Валерка шагал рядом и смотрел на свою надпись. Он отошёл от тележки лишь после того, как торпеду подхватил кран и она скрылась внутри подводной лодки.

Валерка побродил немного возле трапа, постоял у подъёмного крана, поглазел на чаек, спящих на воде, и, когда всё наскучило, отправился в самый дальний конец причала, где стояли надводные корабли.

Однако и тут интересного было мало. Ночь. Все спят. Тишина.

Валерке взгрустнулось. Забыли про него все, не до него им.

«На рассвете они уйдут в море, а я останусь один.

Совсем один... Пойти ещё раз к командиру, попроситься?.. Да ведь он и слушать не станет. Скажет: «Приказ адмирала». Что же делать?.. Что делать?..»

Валерка поёжился от холодного ветра, забравшегося за ворот бушлата, и медленно пошёл к лодке.

ЧЕРЕЗ СМЕРТЬ

Мёртвая зыбь — отголосок недавнего шторма — провожала «Щуку» от самого Кронштадта. Море равномерно и плавно раскачивало подводную лодку с борта на борт, зато катера охранения, которые шли справа и слева от неё, мотались на волнах из стороны в сторону, словно игрушечные ваньки-встаньки.

На море опускался вечер. В его кристальной чистоте линия горизонта казалась нарисованной тушью. Пологий берег, оставшийся позади лодки, затянуло фиолетовой дымкой. Где-то в ней сгнула вертикальная белая чёрточка — Шепелёвский маяк, последний ориентир на родной земле.

Славин стоял на мостике, цепко держался за поручень и посасывал давно погасшую трубку. Вспомнивая прощальный разговор в штабе флота, он хмурился. Слишком мало он знал о районе, куда идёт «Щука». Известно только: гитлеровцы стянули туда множество своих кораблей и самолётов, расставили противолодочные сети и обильно засорили море минами.

Начальник штаба флота, в прошлом сам лихой подводник, предупредил Славина:

— Будьте осторожны, командир. Немцы замышляют построить непреодолимый для наших лодок барьер и для этого ничего не жалеют. Все свои операции они проводят тайно и под сильным воздушным прикрытием. Мы потеряли уже несколько самолётов-разведчиков, но полных данных об этом районе моря собрать так и не смогли. Теперь слово за вами...—

Адмирал испытующе посмотрел в лицо Славину и закончил: — Понимаю, идти в бой с завязанными глазами трудно. Но идти нужно...

То, что ждёт впереди, Слабина не пугало: за минувший год войны он научился решать задачи со многими неизвестными, привык ко всяким неожиданностям, которые могут возникнуть в любую минуту боевого похода.

И всё же он был недоволен. Ему не нравилось начало похода, и для этого, он считал, были основания.

Во-первых, перед самым отплытием заболел матрос. Доктор определил: «Острый приступ аппендицита», и опытного рулевого-горизонтальщика пришлось отправить в госпиталь. Во-вторых, на переходе неожиданно сломалась подъёмная лебёдка перископа, и вот уже час, как из-за её ремонта «Щука» без толку пашет море, вместо того чтобы погрузиться под воду и взять курс к вражеским берегам. И наконец, пропал юнга Рыжов...

Славин поморщился от плеснувших в лицо брызг и полез в карман за кисетом.

«И куда подевался этот малец? — размышлял он с досадой. — Старпом докладывает, что видел его во время погрузки торпед. Сбежал? Но почему?.. В Кронштадте он, конечно, не пропадёт, а всё-таки жаль неслуха».

Славин прикурил трубку, швырнул спичку за борт и сказал старпому:

— Как же это вы упустили мальчика? Ведь яснее ясного приказал: отправьте с матросом на плавбазу.

Старший помощник только развёл руками.

— И ты хорош! — повернулся Славин к Людову.

Старшина опустил глаза. Вид у него был виноватый.

— Не усмотрел, товарищ командир. До последней минутки на примете держал, а как вести на плавбазу — пропал, будто испарился, чертёнок.

Из центрального поста доложили, что подъёмник отремонтирован. Славин спустился вниз и сам проверил его — несколько раз поднял и опустил перископ. Вернувшись на мостик, приказал Людову вызывать катера охранения.

Старшина энергичным движением расправил флажки.

Славин приказал:

— Передайте: благодарю за охранение. Привет Кронштадту.

С флагманского катера ответили: «Счастливого плавания и побед». Маленькие кораблики развернулись в сторону невидимого уже берега и стали быстро удаляться.

Славин скомандовал:

— По местам стоять, к погружению!

Все спустились с мостика вниз. Последним на трап ступил командир. Захлопнув за собой тяжёлую крышку люка, он приказал:

— Погружаться!..

Поздняя ночь. На исходе пятый час плавания под водой. В центральном посту «Щуки» полумрак. Горит только одинокая лампа над штурманским столом, но и та обёрнута газетой, чтобы яркий свет не слепил командира, когда он смотрит в перископ. Лунным светом поблёскивают фосфорические буквы на аварийных табличках. Уходящие во мрак предметы потеряли свои очертания, расплылись, и от этого отсек кажется громадным, непомерно вытянутым в длину.

Славин, сменивший штурмана у перископа, напряжённо вглядывается в темноту. Когда в фиолетовом поле окуляра начинают плясать вёрткие искорки, он ненадолго поднимает голову и устало закрывает глаза. Проходит минута, другая. Он снова приклады-

вается к окуляру и до ломоты в висках всматривается в ночное море.

Море пустынно. Где-то справа проплывает скрытый в темноте остров Лавенсаари — клочок скалистой суши, покрытой редким сосновым мелколесьем. Война погасила маячные огни, некогда приветливо встречавшие моряков. Но и без их яркого света Славин отчётливо представляет себе остров, окружённый со всех сторон отмелями и каменистыми рифами, решётчатую башню маяка и аккуратные домики рыбацкого посёлка в глубине бухты Малмигетлахт.

Славин опустил перископ и подошёл к карте, разложенной на штурманском столе. По её белому полю вилась чёткая карандашная линия курса «Щуки». Взяв циркуль-измеритель, Славин склонился над столом. Острые ножки циркуля зашагали по карте.

— До Гогланда ещё три часа хода, — предупредительно доложил штурман, с опаской наблюдавший за действиями командира.

Лейтенант Перовский был молод, только во второй раз шёл в боевой поход и очень боялся допустить какую-нибудь оплошность.

— Вижу, — сказал Славин и похвалил: — Недурно ведёте прокладку, лейтенант.

На покрытых золотистым пушком щеках Перовского выступил густой румянец. Он закашлялся и, скрывая смущение, низко склонился над картой.

Но Славин уже не смотрел в его сторону. Мыслими он был далеко отсюда: он думал об острове, лежащем поперёк курса подводной лодки.

Через три часа «Щука» войдёт в минное поле, выставленное противником в районе Гогланда. Обойти мины стороной не удастся — на это уйдёт слишком много времени. Но что ожидает лодку за минным полем?.. Какие ещё каверзы придумали немцы на её гибель? Как преодолеть их? Как половчее обмануть хитрого и умного врага?..

Славин боролся сам с собой. Сейчас он был похож на шахматиста, решающего сложную задачу за себя и за противника. Он задавал себе десятки труднейших вопросов и сам отвечал на них, выдвигал убедительнейшие доводы и сам же разбивал их. Спор его с самим собой был долгим и ожесточённым. Трудные мысли не давали ему покоя, но лицо было невозмутимо, а жесты, как всегда, скупы и размеренны. Даже тот, кто близко знал Славина многие годы, вряд ли заметил бы, что его одолевают сомнения и он с растущей тревогой думает о неотвратимо приближающейся смертельной опасности.

И вдруг доклад из носового отсека:

— Слышим шумы за бортом!

Все замерли. Сразу наступила та редкая на корабле тишина, когда неожиданно проявляются обычно неслышные звуки: шелест воды, обтекающей борта лодки, сорочий стрекот приборов, какое-то звонкое тиканье, в котором вдруг узнаёшь стук собственного сердца.

Напрягшийся до предела слух уловил едва слышный шорох. Он медленно приближался со стороны носовых отсеков. Казалось, кто-то легонько постукивает и скребётся о борт лодки.

— Мины! — сдавленным шёпотом выдохнул штурман.

«Вот она — первая каверза немцев! Они расширили своё минное поле», — пронеслось в мозгу Славина. Он весь подался вперёд, прислушиваясь.

«Нет, не ошибся», — подумал с сожалением, когда прекратившийся на миг шорох зазвучал с новой силой, перерос в скрип, затем — в скрежет.

Славин приказал застопорить электромоторы, и шум стал слышен отчётливее. Из носового отсека доложили:

— Слышим ещё один минреп по правому борту. Здорово слышим!

Славин на мгновение представил себе мины: ряды начинённых смертью рогатых шаров, зловеще раскачивающихся на тросах — минрепах — в чёрно-зелёной глубине моря. Чтобы не выдать невольную дрожь, он стиснул пальцы в кулаки и упрятал руки в карманы.

А скрежет уже рядом. Вот он! Бьёт, грохочет в уши, заслоняя все остальные звуки. Вдруг обрывается. Возникает снова и постепенно затихает, удаляясь к корме. Но на смену ему неотвратимо близятся новые скрипы, шорохи, скрежеты...

Звук, кажется, застрял на месте. Неужели зацепились за трос?.. Славин командует: «Лево руля!»

Лодка медленно разворачивается на месте. Новая команда: «Право руля!..» Ничто не помогает! Словно магнитом, притянуло минреп к борту «Щуки». Сейчас мина подтянется — и всё!..

Слышится громкий скрежет.

Минреп оторвался от корпуса лодки.

Пронесло!..

Проходит несколько тревожных минут, и всё повторяется снова. «Щука» то и дело задевает за страшные тросы и всё-таки упорно ползёт вперёд. Чем дальше, тем минное поле плотнее и гуще. В отсеках такая тишина, что малейший удар о палубу звучит, как выстрел. Из первого отсека передают, что слышат какие-то удары о корпус. Командир приказывает переложить руль вправо, чтобы отвести корму в сторону. Но стук размеренно повторяется, медленно перемещаясь вдоль борта лодки. Словно кто-то бьёт молотком по стали обшивки.

Все догадываются, что это такое. На этот раз подводная лодка задевает уже не минреп, а мину!

Цок!.. Цок!.. Цок!.. — всё громче, громче стучит в ушах.

Славин обводит глазами центральный пост. Со

всех сторон к нему обращены лихорадочно горящие глаза.

Цок!.. Цок!.. Цок!..— стучится смерть в борт подводной лодки.

И тут, взорвав тишину, громко кашлянула и заговорила переговорная труба:

— Докладывает кок Васин. Завтрак готов, товарищ командир. На первое гречневая каша с тушёной, на второе кофе. Разрешите раздавать?

Голос у кока звонкий и неожиданно весёлый. На миг все опешили. Округлившимися, непонимающими глазами уставились друг на друга. «Каша?! При чём тут каша?!» Кто-то шумно пошевелился, кто-то облегчённо вздохнул. На угрюмых, насторожённых лицах появились улыбки.

А Васин настойчиво добивался:

— Так как же, товарищ командир, раздавать пищу или погодить? Каша упревает.

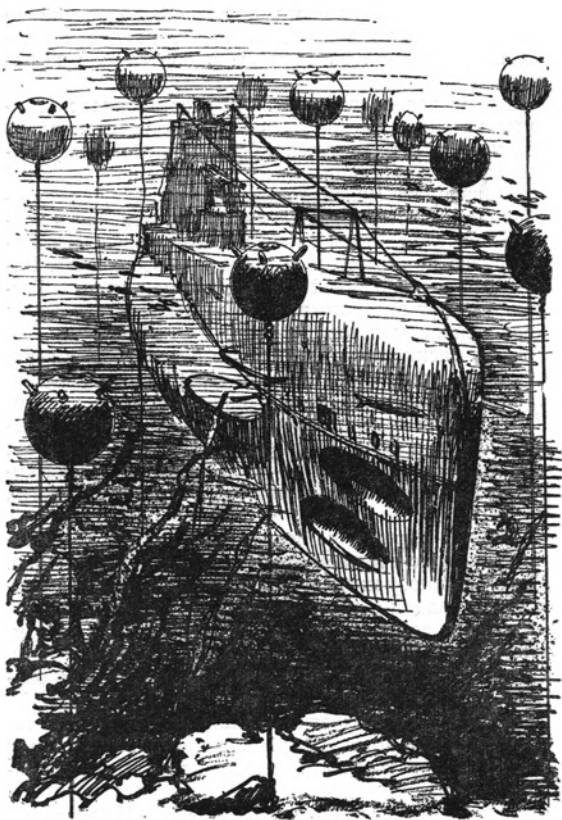
Славин ответил почти ласково:

— Придётся подождать, товарищ Васин. Управимся тут кой с какой работёнкой и примемся за вашу гречневую, которая сама себя хвалит.

Он с удовольствием оглядел товарищей. Нехитрый вопрос кока, просмотревшего смертельную опасность за привычными заботами, развеселил моряков. Оцепенения и вялой беспомощности как не бывало.

Новый доклад о скрежете минрепов уже никого не застал врасплох. Славин приказал дать малый ход и почти тут же застопорил электромоторы. Спустя немного, он опять взялся за ручку машинного телеграфа, но едва палуба начала вздрагивать под ногами, снова поставил её в исходное положение.

В эти минуты он чувствовал подводную лодку, как никогда. Они словно срослись и стали единым организмом — человек и корабль. «Щука» осторожными толчками продвигалась вперёд, обходя затаившуюся в глубине смерть. Послушная воле командира

*«Щука» то и дело задевает за тросы и всё-таки упорно ползёт
вперёд.*

и умелым рукам рулевого, подводная лодка плавно поворачивала то вправо, то влево, не давая минрепам зацепиться за выступы в бортах или на палубе.

Время для подводников будто остановилось. Минуты казались бесконечными. В отсеке слышались только скрежет трущихся о борт минрепов и отрывистый голос командира.

Давно уже миновало время завтрака, затем — обеда, а минному заграждению не предвиделось конца. Впрочем, наступи он сейчас, этот конец, «Щука» всё равно не могла бы всплыть на поверхность. Рядом — ошестинившийся пушками враждебный Гогланд, вокруг которого рыщут десятки гитлеровских кораблей и самолётов.

Кок Васин разнёс по отсекам бутерброды и горячий кофе. Аппетитный запах распространился по центральному посту. Однако к пище никто не притронулся. Люди сидели безучастные, усталые, заглатывая воздух широко открытыми ртами. Лица у всех посинели, глаза потухли — сказывалась нехватка кислорода и нервное напряжение в течение многих часов.

Стуки и скрежет на поверхности прекратились, но в отсеках по-прежнему лежала дремучая тишина. Было слышно, как звонко разбиваются о палубу капли. Они падали с отсыревшего подволока.

Славин долго прислушивался к шумам за бортом, потом отогнул манжету кителя и посмотрел на часы. С момента последнего касания минрепа прошло около получаса.

От радости перехватило дыхание. «Проскочили-таки проклятую мышеловку!» Он прильнул губами к холодному раструбу переговорной трубы, сухо объявил:

— Товарищи, минное поле позади. — И не в силах больше сдерживаться, махнул рукой, засмеялся и

громче, чем хотел, счастливо закричал: — Позади проклятая мышеловка! Позади, хлопцы! — и тут же одёрнул себя и почти спокойно закончил: — Приготовиться к покладке на грунт. Команде — ужинать!..

ПОДВОДНЫЙ ЗАЯЦ

«Щука» легла на дно. Над ней многометровым слоем колыхалось беспокойное море. Где-то неподалёку бродили корабли врага — шум их винтов был слышен в отсеках. Иногда они подходили так близко, что можно было отчётливо разобрать не только клототание перемалываемой винтами воды, но даже вздохи машин и утробное чавканье сосущих море насосов.

Подводники ужинали. Сбросив с плеч тягостный груз опасности, они повеселели и с завидным аппетитом уплетали всё, что предлагал кок.

В крошечной кают-компании было тесно. За столом, покрытым белоснежной скатертью, собрались командиры боевых частей. Ожидали Славина — он брился у себя в каюте. Механик только что рассказал очередную байку, и все хохотали.

Командира встретил оживлённый гул. Славин шутливо погрозил пальцем механику: знал, смех — его работа, и прошёл к столу. Плеснул в стаканы немного вина.

Смех затих. Славин поднял стакан и негромко проговорил:

— За нашу победу.

— За победу! — откликнулись на разные голоса командиры.

Глухо звякнуло стекло. Все выпили и сели. Вестовой поставил на стол дымящуюся супницу. Застучали ложки. Ели в полном молчании — командир не любил болтовни за едой.

Неожиданно в тишине послышался шум. Он быстро приближался. За кормовой переборкой громко загалдели. Руки с ложками застыли над столом, головы повернулись на стук открывающейся двери.

Сначала в отсек ворвался нестройный гул многих голосов, потом — раскаты хохота, и, наконец, в дверном проёме показался старшина торпедистов Потапенко, улыбчивый гигант, первый силач на лодке. Потапенко тянул кого-то за собой и приговаривал, мешая украинскую и русскую речь:

— Иди, иди, хлопче, едят тебя мухи с комарами! Та не впирайся, бо всё равно выволоку... А ну иди швидче, нечиста сила, кому кажу!

Пригнув лобастую голову, чтобы не зацепиться за притолоку, старшина протиснулся в узкую отсечную дверь и остановился посередине отсека. Глаза его смешливо щурились, но лицо было серьёзно, даже торжественно. Правой рукой он придерживал за рубашу кумачёво-красного, хлопающего ресницами мальчишку.

Все ахнули. Голоса смешались:

— Юнга!

— Валерка?

— Рыжов!

— Нашлась пропажа!..

А старшина легонько вытолкнул Валерку на середину залитого ярким светом отсека, чуть отступил назад и, обращаясь к Слаvinу, доложил:

— Ось дивиться, товарищ командир, якого подводного зайца спиймав. В седьмом отсеке за торпедными аппаратами ховався. Я за хлебом пийшов, бачу, якась нога из-под мешка торчит. Я за неё цоп! «Кто такой?» — спрашиваю. Мовчить. А у мене думка: «Може, це якись немецкий шпион под нашего Валерку маскируется».

— Так, понятно,— тоном, не предвещающим ничего доброго, протянул командир, пристально

— Иди, иди, хлопче, едят тебя мухи с комарами!

вглядываясь в растерянную физиономию мальчишки. Отрывисто спросил: — Как думаете, старпом, похож он на нашего юнга Рыжова? Я, например, не нахожу.

Старпом с готовностью принял эстафету.

— И я тоже. Рыжов, по-моему, ростом повыше да и не такой грязнуля. А этот, поглядите, измятый весь, и физия, как у трубочиста... И потом, наш юнга был дисциплинированный. Разве он позволил бы себе такое — зайцем?

Старший помощник повернулся к лейтенанту Перовскому:

— А вы, штурман, узнаете?

— С одной стороны, будто Рыжов, а с другой... — с сомнением в голосе начал лейтенант. Он долго разглядывал переминавшегося с ноги на ногу Валерку, даже зашёл сбоку — посмотрел в профиль. — Нет, что-то не признаю, товарищ старший помощник.

— А как поступают в таких случаях, старпом? — ледяным голосом спросил Славин и ещё больше нахмурился.

— По законам военного времени — расстрел, — мрачно ответил старший помощник. — Ну, а мы... Чтобы не поднимать лишнего шума, предлагаю зарядить им свободный торпедный аппарат — и пиф-паф-ой-ё-ёй!

— Ясно, — сказал Славин.

Этого Валерка уже не выдержал, закричал на весь отсек:

— Да ведь это же я! Рыжов я! Юнга ваш. Я только в море очень захотел...

— Ах вот как? Теперь, кажется, узнаю... по голосу, — сказал Славин и засмеялся.

Хохотали все: и матросы, толпившиеся возле открытой двери отсека, и командиры, окружившие Валерку тесным кольцом.

Когда смех затих, Славин строго спросил:

— Ну, а теперь изволь доложить, почему нарушил приказ? Кто тебе разрешил остаться на лодке?

Валерка молчал, опустив низко голову. А Славин сердито выговаривал:

— Ты, наверное, забыл, что находишься на боевом корабле, где приказ командира — закон? Ты уже не маленький и не просто мальчишка, ты — юнга, военный моряк. Как ты посмел забыть об этом?! Люди идут в трудный поход; мало им своих забот, так ты решил ещё прибавить. По твоей, голубчик, милости лодка на целых два часа задержалась с выходом в море. Тебя, шалопута, искали. Все закоулки в порту обшарили... — Славин покачал головой. — А я-то думал, ты настоящий моряцкий сын.

Валерка молчал. В носу у него зашекетало и по щекам потекли слёзы.

Славин развёл руками.

— И как с тобой поступить, ума не приложу. Отправить обратно? Но для этого нужно вернуться в базу, прервать боевой поход, ещё раз форсировать минное заграждение... А может, действительно послушаться старпома — и пиф-паф-ой-ё-ёй? А, юнга? Что же ты молчишь? Отвечай.

Валерка промолчал и на этот раз. Внутри у него дрожала каждая жилочка. Он знал: уж теперь-то его оставят на лодке, а командир ругает просто так — для порядка.

— Вот что, старшина, забирайте этого молчуна и пристройте к делу, — сказал командир боцману Людову. Голос Славина потеплел. — Но прежде накормите его, а то он небось отощал в своей заячьей норе... А вы, — он повернулся к старшему помощнику, — радируйте о нём в базу, чтобы не беспокоились. Всё, иди, — строго сказал Славин Валерке, — а то, чего доброго, передумаю — и в торпедный аппарат.

Людов ухватил Валерку за руку и, счастливого, растерянно улыбающегося, повёл из отсека.

ШТОРМ

В носовом торпедном отсеке было тихо и пустынно. Торпедисты отдыхали, и только вахтенный безмолвной тенью ходил от борта к борту возле переговорной трубы. Гулко плескалась вода в трюме под ногами. Изредка с лязгом отворялась переборочная дверь, и в отсек вместе с упругим прохладным ветром ворвался далёкий перестук работающих дизелей.

Валерка устроился в узком проходе между торпедными аппаратами. Это — его излюбленное место на подводной лодке. Он сидел на ящике с инструментами, поджав под себя одну ногу. На коленях у него лежала тетрадь с примерами и задачкой на проценты. Старшина Людов сказал: «Война войной, а учёба учёбой. Не лоботрясничай!»

Тетрадь раскрыта давно, примеры кое-как решены, но с задачей дальше второго действия дело у Валерки не идёт. Заело на этом месте, и вперёд ни тпру ни ну, хоть и знает — попадёт на орехи от старшины.

Час назад в центральном посту произошёл такой разговор.

— Барометр падает, — доложил командир штурман Перовский.

Славин поднял плечи.

— Ну и что же?

— Быстро падает, — сказал лейтенант. — Идёт сильный шторм от норд-норд-веста. Минут через сорок, не позже, будет тут.

— Не понимаю вашего беспокойства. У нас ведь и так всё давно уже закреплено по-штормовому.

— Так ведь шторм... Даст прикурить, — смешался штурман. — Разве не уйдём переждать его на глупину?

— Пока не зарядим аккумуляторную батарею,

погружаться не будем,— покачал головой Славин и улыбнулся.— Да и что он вам, шторм этот, лейтенант? Пусть себе идёт, не мешайте ему...

«Шторм! — обрадовался Валерка.— Наконец-то настоящий шторм... Штормяга!»

С того разговора больше часа прошло, а ему хоть бы что. «Не берёт меня шторм! Не берёт!» — весело думал Валерка. В голове на мотив марша вертелись слова: «Будет буря, мы поспорим, и поборемся мы с ней». Он уже и запел тихонечко эту песню, да вахтенный перебил. Подошёл и спрашивает: «Ты чего соловьём заливаешься? Как дела, юнга?»

— В ажуре дела. Не берёт меня шторм!

— Не берёт? — засмеялся вахтенный.— Так нет же его пока. погоди, браток, ещё поцелуешься с морем.

И получаса не прошло, как слова вахтенного начали сбываться. С тревогой поглядывал Валерка на палубу. Ровная и устойчивая несколько минут назад, она всё сильнее перекашивалась, зыбко проваливалась из-под ног. Море уже не плескалось, а глухо рокотало, ударяя в борта. Потом лодка вдруг повалилась на левый борт. Валерка обеими руками вцепился в клапан. Тяжёлый ящик под ним сдвинулся с места и, громяхая, позвякивая, пополз по палубе как живой.

Вахтенный засмеялся, беззлобно пошутил:

— Технику, гляди, не попорть нам, парень.

Валерка в ответ лишь растерянно улыбнулся. Лодка стала задирать нос кверху и одновременно валиться на правый борт. Всё поплыло перед глазами, плавно раскачиваясь из стороны в сторону.

В груди образовалась какая-то пустота. Он перестал понимать, в какую сторону кренится лодка. Вот его прижало грудью к правому торпедному аппарату. Но почти тут же палуба за спиной снова начала проваливаться, и он, не успев ни за что ухватиться,

попятился, едва успевая переставлять заплетающиеся ноги.

Удар затылком о торпедный аппарат свалил его с ног. Он растянулся на палубе. С трудом встал на четвереньки. Однако оторвать руки от палубы, подняться не смог. Лодку снова повалило, и он, не удержавшись на месте, побежал на четвереньках по наклонённой палубе и больно боднул головой железо.

— Или потерял что, юнга? — услышал он над самым ухом.

Сильная рука вахтенного торпедиста ухватила его за ворот бушлата.

— Карандаш потерял... Ищу вот, — задыхаясь, жалобно простонал Валерка.

Он даже не приподнял головы. Ему было совершенно безразлично, что кто-то поддерживает его за шиворот, будто кутёнка за ошейник. Ему было вообще всё безразлично.

— Потом найдёшь свой карандаш, — сочувственно пробасил вахтенный, усаживая его на ящик. — Тебе прилечь бы.

— Посижу ещё... — через силу пробормотал Валерка и замер в бессильном отчаянии.

Так худо ему ещё в жизни не бывало. При каждом падении и взлёте лодки в груди у него холодело и к горлу подступала тошнота. Зелёный, с тяжёлой непроходящей болью в затылке и трясущимися руками, он сидел в тёмном проходе между торпедными аппаратами. Очень хотелось лечь, но он боялся, что станет ещё хуже.

Подошло время завтрака. В отсеке загремели алюминиевыми мисками, запахло гречневой кашей, но сколько торпедисты ни звали Валерку, он не вылез из своего убежища.

Кто-то из моряков — он и не заметил кто — приподнял его под руки и подвёл к свободной койке. Валерка уже не сопротивлялся, тащился безвольно, по-

виснув на руке у матроса. Он лёг на койку на спину и упёрся в неё руками и ногами, чтобы не вывалиться. С ним происходило что-то непонятное и невероятно гадкое. Тяжесть, свободно перекатывавшаяся в животе, то давила на низ желудка, то подкатывала к горлу, прерывая дыхание. Ему казалось, что он умирает. Он жалобно стонал, силясь что-то произнести, но вместо слов получалось нечленораздельное мычание. Потом, лишившись последних сил, он перестал даже стонать и лишь тоскливо поводил по сторонам глазами, почти потеряв сознание...

Несколько раз кто-то подходил к койке: наклонялся над ним; кажется, его о чём-то спрашивали, но он не знал, происходило ли это в действительности, или только ему привиделось.

В себя он пришёл днём, но какой по счёту был этот день, Валерка не мог бы сказать. Казалось, прошло много-много дней и ночей. Возле койки стоял старшина Людов. Боцман смотрел на Валерку и добродушно улыбался. Лодку по-прежнему качало, но чувствовал себя Валерка почему-то гораздо лучше. Он с трудом спустил ноги с койки и сел. Кружилась голова, и слегка поташнивало.

— Что, туго, Валера? — спросил Людов.

— Ну и ураганище был, баллов двенадцать, не меньше, — сказал Валерка. — Небось все в лёжку лежали?

— Ураганище? — засмеялся боцман. — Обычный шторм: восемь баллов. А укачавшихся, да ещё в лёжку, не было.

— Значит, я один?

— А ты не унывай. С кем такое в первом походе не случалось!

— Какой из меня моряк! Спишут теперь на берег.

— Пустое! Людей, которых совсем не укачивает, не бывает. Сильная качка даже старым морякам не

по нутру.— Боцман присел на краешек койки рядом с Валеркой, положил на плечо юнга тяжёлую тёплую руку.— Это ведь некоторые писатели выдумали — те, конечно, которые жизни нашей не знают,— будто моряки только и делают, что мечтают о штормах и качке. А штормы и качку никто не любит, да и любить не за что.

Валерка недоверчиво посмотрел на боцмана. Нет, старшина не шутил.

— Но вы-то моря не боитесь!

— И ты не будешь бояться,— уверенно сказал Людов.— Главное — не поддаваться его силе: она тебя к палубе гнёт, ломает, а ты стой. Держись. Верь в себя, в свою силу. От качки, между прочим, хорошее лекарство имеется. Без отказа действует... Пойдём-ка, я тебе дело дам. Увидишь, сразу полегчает...

Они шли отсеками подводной лодки. Валерка страшился поднять голову, ожидал — сейчас посыплются шуточки. Но со всех сторон несло:

— Здорово, юнга!

— Привет, Валера!

— Не дрейфь, парень! Боцман — доктор что надо: сразу вылечит.

— Гляди, и двух дней не прошло, а юнга уже на своих двоих топает. Добрый будет морячина!..

Боцман поручил Валерке простую, немудрящую работу — чистить трюм в центральном посту. И — удивительная вещь — Валерка почувствовал себя легче. Через день он уже смог заниматься, а через неделю боцман стал его брать с собой на вахту к рулю.

АТАКА

На восьмые сутки похода «Щука» закончила разведку вражеских судоходных путей. Командир послал обстоятельное радиодонесение в штаб флота и

запросил разрешение начать «свободную охоту» за гитлеровскими транспортами.

Прошло три дня, а ответа на радиogramму всё не было. За это время Славин совсем извёлся. Подводная лодка плавала в районе, где капитаны немецких судов чувствовали себя в полной безопасности и даже нагло ходили по ночам со всеми огнями, будто в мирные дни. Славин провожал глазами проходившие мимо суда, набитые гитлеровской солдатнёй, и в бесильной ярости сжимал рукоятки перископа.

Однажды, когда мимо «Щуки» беззаботно проходил гружённый танками немецкий транспорт, Славин не выдержал — приказал готовить торпедные аппараты. Однако вовремя одумался. Приказ штаба не имел двух толкований: «Разведку произвести скрытно. До её окончания и получения соответствующего приказа боевых действий не открывать...» И всё! Коротко и ясно. И ещё Славин хорошо помнил слова командующего: «Искушение ударить по врагу будет велико, но вы обязаны выстоять. Данные разведки для нас важнее нескольких потопленных транспортов. Вы не должны позволить фашистам насторожиться...»

На лодке знали о приказе командования, но всё-таки каждый досадовал про себя (приказы начальников не обсуждают!), пропуская невредимыми гитлеровские корабли.

Наконец пришла долгожданная радиogramма с берега. Она была краткой, всего шесть слов: «Благодарю за разведку. Начать боевые действия. Командующий».

Славин радостно потёр руки:

— Ну, теперь снимем с них стружку!

«Щука» заняла выгодную позицию на самой оживлённой корабельной дороге противника. Всё было готово для встречи с врагом: и люди, и сто раз проверенные механизмы, и идеально отрегулированные торпеды.

Но фашистские корабли не появлялись. Они исчезли все до единого, словно их тут никогда и не было. Вокруг, сколько ни верти перископ, лишь короткие злые волны и серое в тучах небо.

«Щука» неустанно бороздила море. Поиск противника не прерывался ни днём ни ночью. Острая игла перископа чертила всё новые и новые узоры по зелёному полю морского квадрата. Как и час, и десять часов, и сутки назад, ходил вокруг перископа насупленный командир.

Жизнь на подводной лодке шла однообразно. Моряки, как всегда, занимались своим привычным делом, но в отсеках прочно утвердилась унылая тишина. Никто не пошутит, не улыбнётся. Подводники говорили между собой неохотно и только о самом необходимом: «Вахту принял... Вахту сдал...»

Однажды Валерка сидел на низеньком складном табурете-разножке рядом с боцманом. Людов нёс вахту на горизонтальных рулях, а юнге было приказано «наблюдать».

Сначала всё было интересно: и то, как старшина неторопливо перекладывает штурвалы, и то, как живчиком перекачивается розовый пузырьёк в бронзовом овале дифферентометра, и скудные, очень понятные объяснения Людова. Но прошёл час, другой, и Валерке надоело глядеть на одно и то же, тем более что и старшина замолчал, задумался о чём-то своём.

«И чего они все такие? — тоскливо думал Валерка, поглядывая то на дремавшего в углу командира лодки, то на сменившего его у перископа штурмана. — Прямо не корабль, а какое-то сонное царство!»

Первый Валеркин боевой поход проходил совсем не так, как ему представлялось в мечтах. Вместо лихих атак — нудное ожидание и надоевшая до чёртиков тишина.

«Тоже мне боевой поход! — поджимал Валерка

губы и тарашил слипающиеся глаза.— И матросы сонные, и командир клюёт носом, будто в дачном поезде. А говорили: «Орёл! Герой!»

Славин сидел на такой же, как и Валерка, разноможке, привалившись спиной к переборке. Широкие плечи его были опущены, на лоб из-под пилотки свесилась прядь светлых волос, возле губ в углах рта залегли глубокие морщины. Только сейчас Валерка впервые подумал о том, как, наверное, тяжела служба командира подводной лодки, как много лежит на нём разных дел, как трудно работать сутки за сутками почти без отдыха и сна.

В трёх шагах от Валерки лейтенант Перовский молча вышагивал в бесконечной карусели вокруг перископа. Кусок плаксивого неба и взбаламученной воды, которые штурман видел в перископ, часто закрывало мутно-зелёным колпаком. На поверхности штормило, и подводную лодку изрядно покачивало.

— Боцман, не топи лодку! Точней держи глубину! — срывающимся баском покрикивал для порядка лейтенант.

Медленно тянулась бесконечная вахта. Но вот штурман насторожился. На разлохмаченной поверхности у горизонта появилась чёрная точка. Малюсенькая, едва приметная точечка...

Тело напряглось, как перед броском. «Неужели ошибся? Показалось?..»

Штурман снова взглянул в окуляр и прикусил губу, чтобы не вскрикнуть от радости. Точка не пропала! Рядом с ней виднелась вторая, чуть левее — ещё две. Так это же конвой!

Он был готов уже выкрикнуть «Боевая тревога!», разорвать унылую тишину отсеков звоном колоколов громкого боя, но точка вдруг взлетела над водой. За ней поднялась другая, третья...

Перовский сердито вскинул голову, ударился о клапан и шёпотом чертыхнулся.

— Что, товарищ лейтенант? — не расслышав, обернулся боцман.

— «Что! Что!» — передразнил штурман и, потирая ладонью макушку, раздражённо прошипел: — Лодку не топи! Вертишься, как мышь в макитре.

Боцман понимающе улыбнулся и поспешил отвернуться. Славин разлепил веки, поглядел на говоривших.

— Что такое, штурман?

— Ничего. Чайки, чтоб им!.. — покрутил головой лейтенант. — Пусто море.

Славин плотнее запахнул полы реглана и снова закрыл глаза. Но просидел так недолго. Вскочил с разножки, тяжело заходил по отсеку: пять шагов до носовой переборки, пять — обратно. Вдруг замер на месте, круто повернулся и направился к штурманскому столу. Спустя минуту оттуда донеслось мышиное шуршанье карт. Славин тяжело переступал с ноги на ногу, вздыхал, покашливал, наконец, замурлыкал под нос любимую «Каховку».

Штурман взглянул из-за его плеча на карту и удивлённо захлопал ресницами. Прямо возле самого вражеского берега командир начертил жирный кружок и провёл к нему линию курса лодки.

— Угадали, лейтенант. Сюда и пойдём, — перехватив взгляд штурмана, подтвердил Славин.

— Но это же у самого их порта, товарищ командир?

— Вот и прекрасно — ждать нас не будут.

— Так ведь глубины там воробью по колено, и если катера или самолёты обнаружат... — начал штурман и осекся под тяжёлым командирским взглядом.

Славин прищёпнул карту ладонью и, отчётливо выговаривая каждое слово, сказал:

— Может, обнаружат, на то и война. Мы подводники, лейтенант. Солдаты, исполняющие приказ... Прокладывайте новый курс...

...Но и в новом квадрате «Щуку» встретили те же раздёрганные косматые тучи и беспорядочная толчея волн. Только здесь, на мелководе, волны, пожалуй, были ещё круче и злее, чем в открытом море.

Удерживать заданную глубину погружения стало труднее. То и дело подводную лодку выбрасывало на поверхность, обнажая перископ и ограждение рубки. Дважды на горизонте появлялись вражеские патрульные самолёты, и лодка поспешно уходила на глубину. Переждав немного, она снова всплывала под перископ и продолжала поиск.

Прошло много часов плавания под водой. От тяжёлого воздуха посинели лица. К отсечным шумам прибавилось хриплое дыхание людей. Неотвратимо подкрадывалось то, о чём с тревогой думал командир в последние часы: энергия аккумуляторной батареи была на исходе. Инженер-механик корабля доложил командиру, что её хватит не больше чем на четыре часа.

Тогда Славин приказал выключить лишний свет и все механизмы, без которых можно было обойтись. Он запретил разговоры и ненужные для дела движения, чтобы сберечь силы и драгоценный кислород. На боевых постах осталась только вахта, остальные матросы и старшины лежали на своих койках в полуосвещённых отсеках.

Сцепив руки за спиной, Славин мерил шагами палубу центрального поста. Тоскливо скрипели под его ногами листы палубного настила.

Осталось четыре часа!..

Ещё четыре часа бесцельного блуждания под водой — и не выйдешь ни в какую атаку! Через четыре часа разряженная аккумуляторная батарея перестанет питать током механизмы и приборы подводной лодки. Лишённая сил, она будет вынуждена уйти на глубину и, застыв мёртвой глыбой металла на морском дне, дожидаться темноты, чтобы всплыть тай-

ком от врага на поверхность для зарядки аккумуляторов.

Славин молча прошёл по затихшим отсекам и снова вернулся в центральный пост. На его вопросительный взгляд штурман пожал плечами и как-то виновато сказал:

— Пока ничего, товарищ командир.

Славин снова уселся на разномычку и, уронив отяжелевшую голову на грудь, задремал, сражённый усталостью и напряжением многих часов ожидания.

Разбудил его вскрик за спиной. Славин мгновенно обернулся. Прижавшись щекой к перископу, лейтенант едва слышно выдохнул:

— Конвой!

Славин отшвырнул ногой разномычку и метнулся к перископу.

— Боевая тревога! Атака!

Это короткое слово влило новые силы в людей, сорвало с глаз тоскливую пелену.

Атака! Сейчас свершится то, ради чего проведены сотни учений, пролито столько пота, недоспано столько ночей; то, ради чего они находятся тут, не считаясь с подкарауливающей на каждом шагу смертью!..

— Перископ! — скомандовал Славин.

Загудела лебёдка, и перископ плавно пошёл вверх. Вместе с перископом, не отрывая глаз от окуляра, поднимался с корточек и командир. Чернильная синева в окуляре сменилась зелёной, быстро светлеющей мутью, и, наконец, в глаза ему ударил нестерпимо яркий дневной свет.

Отрывисто щёлкнула рукоятка дальномерного устройства. Славин всмотрелся в ломаную линию горизонта, нашёл на ней четыре медленно ползущие точки и, не оглядываясь, спросил:

— Как торпедные аппараты?

— Торпедные аппараты готовы! — быстро ответил старший помощник. — До боевого курса — минута.

Славина охватило ни с чем не сравнимое чувство боевого азарта. Всё, что сейчас не было прямо связано с боем, с атакой, ушло прочь из сознания.

Спутав все его расчёты, немецкий транспорт, плотно прикрытый кораблями охранения, неожиданно повернул на новый курс.

— На зигзаг перешли, дьяволы! — крутнув диск дальномера, прохрипел Славин. — Живо расчёт нового боевого курса, штурман! Живо!..

Валерку боевая тревога застала в носовом торпедном отсеке. Лейтенант Ермилов, командир торпедистов, когда загремели звонки и посыпались команды из центрального поста, крикнул ему: «Становись в сторонку и не мешай!» — и тут же забыл о нём.

Человеку, не посвящённому в дела подводников, могло бы показаться, что никакого порядка в отсеке нет: все бестолково мечутся, суетятся. Но Валерка много раз бывал на учениях торпедистов и знал — тут не скажут ни одного лишнего слова, а каждое движение выверено и рассчитано на бессчётных тренировках.

Торпедисты работали как единый, хорошо налаженный механизм. Их умелые, проворные руки с неуловимой быстротой открывали и закрывали сверкающие медью и никелем клапаны, щёлкали выключателями и рубильниками, а лейтенант Ермилов тем не менее нетерпеливо подгонял:

— Быстрее! Быстрее, ребятки! Не к теще на блины пришли!..

Дважды «Щука» меняла боевой курс, дважды её нос с послушностью компасной стрелки повторял движения гитлеровского транспорта, нацеливая смерть в его пузатый борт.

Теперь Славин отчётливо различал в перископ грязно-зелёные туши танков на передней палубе транспорта и фигурки людей возле них. Временами катера охранения подходили к подводной лодке так близко, что командир вынужден был несколько раз опускать перископ и останавливать электромоторы.

Уже перед самым залпом Славин увидел катер. Он повернул прямо на лодку. Из-под его форштевня взлетали россыпи брызг. Катер стремительно вырос в размерах. На миг Славину даже показалось, что он встретился взглядом со сведёнными в недобром прищуре глазами фашистского командира.

«Обнаружили!»

Рот непроизвольно открылся, чтобы выкрикнуть спасительную команду «Срочное погружение!», но, переборов себя, Славин спокойным, совсем будничным голосом приказал:

— Боцман, ныряй на глубину двадцать метров! Полный вперёд!..

Издалека звенящей медью накатывались свист и шипение. Катер, грохоча и злобно отфыркиваясь, промчался над лодкой.

«Пронесло», — вздохнул Славин и приказал снова всплывать на перископную глубину. В висках покалывало от напряжения, во рту пересохло, и он много бы отдал за глоток холодной воды.

Когда «Щука» всплыла, катер был уже далеко. «И ничего-то ты не увидел, болван!» — радостно подумал Славин. Стараясь унять нетерпеливую дрожь, он расслабил мышцы и на секунду закрыл глаза.

— Сорок секунд до залпа! — предупредил штурман.

Славин поднял перископ. Нос вражеского судна наползал на перекрестье нитей прицела. И вдруг на двуногой мачте немецкого транспорта взвились флаги. Кучки людей на его палубах и мостиках стали таить, растекаться в разные стороны. Суетливые фи-

гурки, сталкиваясь, заматались вдоль бортов, заскакали по крутым трапам.

«Заметили след перископа», — понял Славин.

Катер снова повернул на подводную лодку. За его кормой вздыбился зелёный бугор воды. Славин зло усмехнулся:

— Теперь уже поздно, гитлерюги!

БУДЕМ ДЕРЖАТЬСЯ!

Валерка не спускал глаз с лейтенанта. Ермилов стоял на левом борту перед щитом торпедной стрельбы. Весь устремлённый вперёд, он был похож на бегуна, готового сорваться со старта. Раздался протяжный звонок и тут же приказ командира:

— Торпедные аппараты, пли!

Всё сразу смешалось: шипение сжатого воздуха, крики команд, доклады матросов, кваканье ревунов. Подводную лодку сильно встряхнуло. Палуба, перекашиваясь, поплыла из-под ног. Отсек наполнился едким голубоватым дымом.

И снова наступила тишина. Глаза всех были устремлены на носовую переборку: за нею, ввинчиваясь в воду, навстречу врагу неслись торпеды. Лейтенант громко считал секунды:

— Двадцать девять... тридцать... тридцать один...

— Промазали! — упавшим голосом прошептал торпедист Ваньков.

И тут за бортом грохнуло, да так, что «Шука» содрогнулась всем корпусом. Спустя мгновение послышался ещё один взрыв. После него в отсеке долго не затихал дробный звенящий гул.

— Ура-а! Попали! — закричал Федосов.

— Урра-а! — потрясая над головой кулаками, самозабвенно вторил ему Ваньков.

— Урра-а! — не выдержал лейтенант.

И вдруг из переговорной трубы сердитый командирский голос:

— Что там у вас за базар, первый отсек? Почему шум?

Все смущённо заулыбались. Лейтенант почесал затылок, покашлял и виновато доложил:

— В первом всё в порядке.

Командир предупредил:

— Уходим от преследования катеров. Пока что нас не обнаружили.— Из голоса Славина исчезла строгость: — А в общем, молодцы торпедисты! Поздравляю с первой победой.

Лейтенант поблагодарил командира и повернулся к торпедистам:

— Внимательно слушать шумы за бортом. Приготовить аварийный инструмент.

Все бросились исполнять приказание. Валерка юркнул под торпедные аппараты и стал подавать матросам окрашенные в алый тревожный цвет деревянные балки, угольники и клинья. Вылез оттуда взъерошенный, потный, руки в густом золотистом тавоте.

Брови лейтенанта поползли кверху.

— А ты откуда взялся, чертёнок?

Валерка хотел обидеться, но увидел, что лейтенант больше не смотрит на него. Глаза Ермакова, очень тревожные, были направлены на подволок. Все матросы тоже смотрели туда.

Где-то высоко над лодкой возник неясный шум. Он быстро приблизился. И вот загрохотало над самой головой. Свист, гул, дребезжание — всё смешалось.

— Сейчас сбросят,— сказал Ваньков, обтирая пот со лба.

«Что сбросят?» — хотел спросить Валерка, но тут за бортом так ахнуло, что он схватился за голову и присел. Палуба вздыбилась и начала стремительно крениться. Чтобы не упасть, Валерка обеими руками

вцепился в клапан, но не удержался на ногах и свалился на палубу.

Новый, ещё более могучий удар потряс лодку. По палубе пробарабанил град стеклянных осколков. Сквозь скрежет железа прорвались крики людей и тревожная дробь звонков аварийной тревоги, но их тут же поглотил рёв нового взрыва. Мигнув раз-другой, погас свет. Отчётливо послышался плеск воды.

Валерка замер от ужаса. Ему показалось, что он остался один, и вот сейчас, через секунду, море ворвётся в отсек. Никогда ещё — ни на «Веронии», ни в те часы, когда, вцепившись в доску, он носился по волнам, — Валерка не испытывал такого ошеломляющего страха.

Из темноты слышались голоса. Лейтенант что-то кричал матросам. Валерка бросился на голос. Столкнувшись с лейтенантом, всем телом прижался к нему и залепетал что-то бессвязное, до невозможности радостное. Ермилов ощущал его, не удивившись, сказал:

— А, юнга? — и легонько оттолкнул от себя. — Ищи аккумуляторный фонарь. Он где-то здесь, на палубе.

Прошла целая вечность, прежде чем Валерка, лихорадочно ползая по мокрой, усыпанной битым стеклом палубе, нащупал фонарь, выброшенный взрывом из гнезда. Лейтенант щёлкнул выключателем, и по отсеку побежал жидкий лучик света.

Это было похоже на дурной сон. Из темноты появлялись и тут же исчезали переплетения трубопроводов, белые пятна человеческих лиц, мерцающие шкалы приборов.

Матросы столпились возле торпедопогрузочного люка. Они тяжело дышали, изредка перебрасывались короткими фразами. Сверху на них лилась вода, бившая тугими струями через покорёженную при взрыве крышку люка. Старшина Потапенко, торпе-

дист Ваньков и кто-то ещё — его лица Валерка не мог рассмотреть — пытались остановить воду, прижимая к закраинам люка волосяные матрацы. В правом углу отсека несколько раз громко всхлипнул и, захлебнувшись, умолк насос.

Из темноты слышался тревожный голос Федосова:

— Товарищ лейтенант, насос не работает!

Ермилов не ответил.

— Товарищ лейтенант!.. Товарищ лейтенант, где вы?.. Доложите в центральный пост... — надрывался Федосов.

— Не кричи, — откликнулся наконец лейтенант. — Доложить не могу, нет связи. Работай.

Валерка плохо соображал в эти минуты. Он инстинктивно жался к лейтенанту и со страхом вглядывался в чёрную гущу темноты, откуда доносились голоса матросов, хлюпанье вливающейся в отсек воды и звонкие удары железа о железо. Направленный ему в лицо чахлый свет фонаря показался нестерпимо ярким. Валерка попятился, выставив перед собой руки.

— Не бойся, это я, — успокоил его лейтенант. — На, держи. — Он сунул в руки Валерке фонарь. — Иди посвети Федосову. Ну иди же, — нетерпеливо повторил он и подтолкнул Валерку в спину.

Валерка сделал нерешительный шаг вперёд, на встречу пугающей темноте. Под ногами заплескалась вода. Он сделал ещё шаг. Потом ещё один...

И темнота расступилась. Страх не исчез, но Валерка вдруг почувствовал, что у него есть руки, ноги, глаза, что он снова всё видит и понимает.

— Живей, юнга! — подгонял его недовольный голос Федосова.

Валерка присел на корточки возле матроса. Кожи с насоса был уже снят. В жёлтом круге света тускло блестели детали.

— Сюда свети... Теперь — сюда. Хорошо. Так... Очень хорошо, — приговаривал Федосов, орудуя то отвёрткой, то гаечным ключом, а то и толстыми, неуклюжими на вид, но удивительно ловкими пальцами.

Работу прервал голос лейтенанта:

— Тихо!.. Юнга, освети кормовую переборку.

Все замерли. Только булькала и всхлипывала вода. Она не подчинялась приказам лейтенанта. В тишине ясно послышался глухой стук. Удар — пауза. Три удара — пауза. Снова три удара... Стучали по переборке из соседнего отсека. Потапенко громко читал:

— Доложите о повреждениях... Какие меры приняли?

Когда стук прекратился, лейтенант приказал:

— Отвечайте, старшина.

Потапенко вооружился гаечным ключом. Поглядывая на переговорную таблицу, накрашенную масляной краской на отсечной двери, он под диктовку лейтенанта быстро простучал ответ: «Повреждена крышка люка. Не работает насос. Течь заделываем. Насос исправляем. Люди в порядке».

Из соседнего отсека снова застучали. Потапенко, наморщив лоб, прочитал:

— Над нами немцы. Всплыть нельзя. Держитесь, товарищи! Надеемся на вас... Держитесь!

Лейтенант взял у старшины ключ и отстучал короткий ответ: «Будем держаться».

Моряки снова принялись за работу. Никто не знал, сколько времени прошло с начала бомбёжки: часы, сорванные взрывом с переборки, разбились. Над «Щукой» по-прежнему ходили вражеские катера. Иногда шум их винтов отдалялся, иногда приближался вновь, и тогда в ушах звучало нудное, как зубная боль, металлическое гудение. Через определённое время сторожевики сбрасывали глубинные бомбы.

Они рвались где-то вдалеке, но всякий раз лодку подбрасывало и с силой ударяло о грунт.

Наконец шумы над лодкой прекратились. Подводники облегчённо вздохнули. Из центрального поста по отсекам передали: «Сейчас будем всплывать». Но «Щука» ещё не успела оторваться от грунта, как гул и плеск над головой возникли с новой силой. Послышалось громкое бульканье. Это рядом с бортом погружались глубинные бомбы. Близкие взрывы едва не опрокинули лодку.

Опять открылась течь, которую удалось заделать с таким трудом.

Едва замолк грохот взрывов, как о корпус «Щуки» что-то заскребло.

— Тралят,— зло прошептал Федосов.— Как пескарей, хотят сеткой вытянуть.

— А мы не пескари, мы ерши колючие,— усмехнулся Потапенко.— Можем и поперёк их поганой глотки встать.

Где-то возле рубки слышались сильные удары, будто о корпус били тяжёлыми молотами. После них в отсеке ещё долго гудело, как в пустой гулкой бочке. Прямо над лодкой неожиданно зашлёпал корабельный винт. Он работал недолго. В наступившей тишине до слуха подводников явственно донеслись громкие всплески — в воду сбрасывали что-то тяжёлое.

Моряки переглянулись. «Всё! Это конец!» — подумал в ту минуту каждый из них. Все замерли в ожидании последнего сокрушительного взрыва.

Но секунда сменяла секунду, а взрыва всё не было. Зато снова зашуршал трос и визгливо заскрежело железо. Шум быстро приближался к первому отсеку. Лодка вдруг сдвинулась с места и резко накренилась, словно её толкнули могучей рукой. Оглушив всех, один за другим прогрехотали четыре близких взрыва...

Подводная лодка беспомощно лежала на грунте. Повреждений было так много, что Славин с трудом отгонял мысль о невозможности с ними справиться. Беспокойство за людей, находившихся в аварийном отсеке, не покидало его ни на минуту. Он отдавал приказания, принимал доклады, но всё время неотступно думал о них. Если бы можно было хоть на несколько минут оставить свой пост, пройти по отсекам, поговорить с товарищами, подбодрить их!..

Началась методическая бомбёжка. Частые продувания цистерн не могли остаться не замеченными врагом, ведь море над лодкой то и дело вскипало пузырями. При каждом близком ударе глубинных бомб «Шуку» встряхивало и подбрасывало над грунтом. Казалось, её стальной корпус сжимают гигантскими клещами, и он вот-вот хрустнет, как яичная скорлупа.

По приказанию Славина старпом обошёл отсеки, объяснил морякам создавшееся положение и возвратился в центральный пост.

Славин встретил его нетерпеливым вопросом:

— Как народ?

— Держатся, — коротко ответил старпом. Он взял Славина за локоть и отвёл к штурманскому столу. — Сергей Александрович, моряки сейчас план предложили, и я голосую за него. Фрицы сидят у нас на шее; просто удивительно, как до сих пор не разделились с нами. Отлёживаться на грунте бессмысленно. Предложение одно — всплыть и пробиваться под прикрытием артиллерии. Надводная скорость у нас приличная, пушки исправны, матросы — орлы. Обстоятельства вынуждают нас на крайний шаг.

Славин задумался. Он мысленно видел полутёмные отсеки, выведенные из строя механизмы и приборы, зелёные лица товарищей, измученных до предела, задышающих от недостатка кислорода и тем не менее самоотверженно борющихся за жизнь корабля. Он, командир, был за них в ответе. От реше-

ния, которое он сейчас примет, от того, будет ли оно правильным, зависит их жизнь.

Всплыть?.. Но не рано ли? Не будет ли это самоубийством, пусть и героическим, красивым?.. Слишком уж неравны силы: израненная подводная лодка с двумя пушечками против вооружённых до зубов и специально подготовленных к артиллерийскому бою кораблей врага. Немцы ведь только и ждут этого, заняв выгодную позицию для удара... Остаться под водой? Но гитлеровцы следят за нами и разгадают теперь любой наш маневр... Любой, кроме одного. Внезапность — наше оружие и спасение.

— Над нами сторожевики и два катера-охотника! — доложил гидроакустик. — Они сбросили бомбы! — выкрикнул он спустя две-три секунды.

Люди оцепенели в ожидании удара. Близкий разрыв подбросил «Щуку» метров на пять вверх. С громким скрежетом она снова упала на грунт и беспомощно повалилась на борт. Над рубкой снова слышались шуршание, постукивание и скрежет.

Славин отбросил сомнения. С этой секунды матросский план стал его планом. Он подскочил к переговорной трубе.

— Товарищи, обстановка вынуждает меня пойти на крайний шаг. Сейчас мы всплывём. Главный враг — сторожевик, и первый удар — по нему. Уверен, все исполнят свой долг. — Он повернул побледневшее лицо к старшему помощнику: — Всплывать! Артиллерийская тревога!..

ИСПЫТАНИЕ ОГНЁМ

«Щука» отрывается от грунта и устремляется к поверхности. Комендоры бросаются в центральный пост, на ходу застёгивая ватники, натягивая поглубже пилотки. Из открытого люка артиллерийского

погреба в отсек подают первые ящики со снарядами.

— Эх, братва, помирать — так с ясными очами! — говорит молоденький комендор. — На небо только бы разок взглянуть!

— Помирать?! — зло оборачивается Потапенко. — Погоди с отпеванием. Мы им, катюгам, ещё покажем смолёного волка!

В тесной глубокой шахте рубочного люка, на узеньком трапе, словно поставленном стоямя в фабричную трубу, висят друг над другом Славин и штурман, а под ними — артиллеристы. Голова лейтенанта почти касается колен командира.

Снизу, из центрального поста, доносится голос рулевого-горизонтальщика:

— Глубина семнадцать метров!.. Одиннадцать... Глубина семь метров...

И вдруг отчаянный вскрик гидроакустика:

— Глубина пять... четыре метра! Рубка над водой!

Славин поворачивает рукоятку, и крышка люка с лязгом откидывается. Сжатый воздух, вырвавшись со свистом наружу, выносит Славина на мостик, срывает с головы пилотку, лохматит волосы. Следом за ним из люка, громко стуча по трапу, один за другим вываливаются комендоры.

Гитлеровский сторожевик совсем рядом, в каких-нибудь трёх-четырёх кабельтовых от лодки. Неподалёку от него на волнах болтаются с застопоренными моторами катера-охотники. На палубах катеров черным-черно от матросов и офицеров. Все они рассматривают огромное масляное пятно, покрывающее море, — тут, на балтийском дне, лежит разбомблённая ими советская подводная лодка.

Фашисты, видать по всему, ошеломлены. Они не ожидали такой отчаянной дерзости. Заброшенная сотней глубинных бомб, по всем расчётам давно превращённая в груды бесформенного исковерканного же-

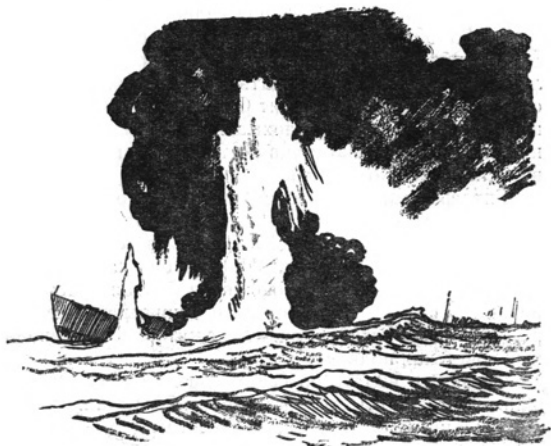
леза, подводная лодка вдруг появилась перед ними как призрак.

Короткого замешательства гитлеровцев достаточно, чтобы комендоры «Щуки» успели добежать до пушек, приготовить их к бою и открыть огонь.

Выстрелы следуют один за другим с такой быстротой, что их разрозненный гул сливается в сплошной незатихающий грохот. Перед бортом фашистского сторожевика вздымаются всплески разрывов и на несколько мгновений заслоняют его мостик от глаз подводников.

— Отлично, штурман! Молодцы комендоры! — радостно кричит Славин.

Бешено режут дизели. Они работают полным ходом. За кормой «Щуки» вскипает пена и протягивается глубокая борозда. Командир старается вести

лодку так, чтобы комендорам было удобно стрелять из обеих пушек.

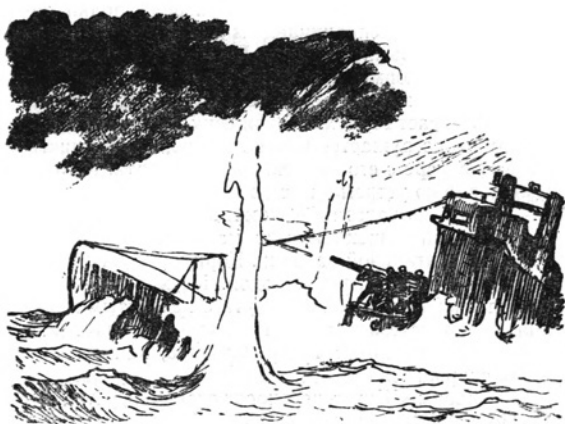
Отбросив бинокль, повисший на ремешке, штурман вздымает руки над головой и размахивает ими, как дирижёр:

— Сторожевик в вилке! Три снаряда беглым... Огонь!.. Огонь!..

Сторожевик, наконец, открывает стрельбу из пушек и крупнокалиберных пулемётов. Его поддерживают огнём оба катера. В сторону подводной лодки протягиваются шнуры разноцветных трасс. Воздух звенит и дрожит от орудийного рёва.

Рядом с лодкой из моря взлетает водяной смерч. Он крутится, разбрызгивая сверкающие солнечные искры. «Щука» резко валится на борт.

Слышится вскрик у носовой пушки. Зажимая ру-

ками окровавленное лицо, наводчик как подкошенный падает на палубу. Но пушка не умолкает. Место убитого у орудийного визира занимает подносчик снарядов.

Всплески поднимаются чёрными столбами возле самого борта лодки.

Над мостиком лодки с визгом проносятся осколки. Они высекают искры, ударяясь о палубу и ограждение рубки. Незатихающей дробью отдаётся в ушах пулёмётная строчка, прошившая лёгкий корпус.

Славин сжимает руками поручень. Он волнуется, но голос его звучит спокойно. По его командам боцман Людов перекладывает руль то вправо, то влево, уводя «Щуку» от близких разрывов, не давая противнику пристреляться.

— Уменьшить прицел, снаряды летят с перелётом,— подсказывает Перовскому командир.

Раздаётся короткая команда. Пушка грохочет несколько раз подряд. Горизонт впереди лодки закрывает чёрным непроницаемым дымом. Сквозь него пробиваются языки пламени. Проходит секунда, не больше, и на корме сторожевика появляется огромный огненный куст. Там сложены глубинные бомбы. Взрыв сотрясает воздух. Сторожевик заметно оседает на корму и погружается в воду. Видно, как фашисты прыгают в море с его накренившегося борта. К тонущему кораблю устремляются оба катера.

— Огонь по катерам! — командует Славин.

Наводчики бешено крутят маховики вертикальной и горизонтальной наводки. Корпус тонущего сторожевика скрывается под водой. Несколько секунд над волнами торчит только мачта с перебитыми вантами, но вот исчезает и она. Неподалёку пылает развороченный взрывами катер. Слышно, как на нём рвутся снаряды.

Комендоры «Щуки» переносят огонь на третий катер. Но фашист не принимает боя. Оставив свои то-

нушие корабли, он мчится полным ходом в сторону берега, прикрываясь дымовой завесой.

Славин объявляет отбой артиллерийской тревоги. Оживлённо переговариваясь, комендоры поднимаются на мостик. У них усталые, как после тяжёлой работы, лица, испятнанные пороховой гарью.

На ходу заряжая аккумуляторную батарею, подводная лодка самой полной скоростью устремляется в открытое море. Командир старается как можно быстрее увеличить расстояние между «Шукой» и вражеским берегом. Он уверен: фашисты не примирятся с потерей двух своих кораблей, постараются рассчитаться с дерзкой подлодкой.

— Надо поторопиться с зарядкой аккумуляторной батареи,— говорит Славин механику.— Без неё нам не погрузиться. И помогите людям в первом отсеке. Я считаю, нужно ожидать атаки гитлеровских самолётов...

Торпедисты в носовом отсеке продолжали бороться с проникающей в лодку водой. В отсеке стало темно. Фонарь, которым светил Валерка, погас — кончилась энергия батарейки. После долгой работы в ледяной воде матросы выбились из сил и продрогли. Из соседнего отсека время от времени тревожно спрашивали: «Как вы там? Держитесь!» И хотя казалось, сил больше нет, лейтенант Ермилов упрямо выстукивал: «Держимся!»

А потом прекратились и стуки. Второй отсек на вызовы перестал отвечать. О том, что происходит за переборкой, торпедисты теперь только догадывались: лодку сильно раскачивает — значит, всплыли на поверхность; над головой грохот и треск, значит, «Щука» ведёт артиллерийский бой.

Валерка всматривался в глубину отсека, но видел только зелёные фосфоресцирующие таблички над приборами. Они горели, как волчьи глаза в ночном

лесу. От грохота, звона и чёрной тьмы всё мешалось в голове. Он плохо понимал, что происходит вокруг, и инстинктивно жался к стоявшему рядом Федосову. В темноте громко переговаривались невидимые Ваньков и лейтенант. Плеснула вода, и у Валерки по спине побежали мурашки. Это Ваньков снова полез в затопленный до краёв трюм.

Неожиданно грохот и тряска прекратились. В тишине отчётливо проступили неслышные до этого звуки. С лязгом отворилась дверь, и в отсек ворвался поток прохладного воздуха. От него кружилась голова и лёгкие работали, как кузнечные мехи.

На помощь Федосову из центрального поста прибежали электрик и старшина трюмных машинистов. Они втроём склонились над помпой. Насос чихнул раз, другой, завёлся и начал с чавканьем выхлёбывать воду из полузатопленного отсека. Вспыхнули лампы, осветив мокрые, измождённые лица торпедистов.

В квадратном проёме трюма показалась голова Ванькова в водолазной маске. Товарищи протянули руки и вытащили его на палубу. Ваньков стянул маску с лица, кашляя и задыхаясь, доложил:

— Течь ликвидирована!

Когда воды в трюме убавилось, туда спустились два матроса в резиновых комбинезонах. Валерка и лейтенант Ермаков подавали им сверху инструменты, жидкое стекло для заливки трещин в металле и деревянные брусья-подпоры. Из центрального поста по переговорной трубе запросили:

— Как у вас, торпедисты? Командир просит поторопиться с ремонтом, возможна атака фашистских самолётов.

— Пробойна заделана. Течь...— начал доклад лейтенант и осекся.

Из глубины отсека послышался испуганный голос:

— Вода прорвалась за торпедными аппаратами! Здорово бьёт!

Все, кто был свободен, бросились к торпедным аппаратам. Федосов, маленький, юркий, опередил товарищей. Он пролез в узкую щель под торпедным аппаратом, подполз к борту и стал ощупывать его, отстраняясь от хлещущих в лицо водяных струй. Вода ударяла в палубу тугой звенящей струёй, быстро заливая отсек. В сплошном облаке мельчайших брызг было невозможно что-либо рассмотреть.

— Свет! — крикнул Федосов. — Дайте свет!

Старшина Потапенко схватил переноску — электрическую лампу с длинным шнуром и полез под торпедный аппарат. Лейтенант подтолкнул Валерку: «Помогай, юнга!»

Валерка растерялся. Ему что-то кричали, но он никак не мог сообразить, что должен делать. Понял, когда в бок больно упёрся деревянный брус. Кто-то совал ему в руки то волосяной матрац, густо обмазанный вонючим маслом, то деревянные клинья, то доски и командовал:

— Передавай Федосову! Да не мешкай же ты!

Федосов и старшина прижали матрац к пробойне, наложили сверху широкую доску, поставили распорный брус и для прочности забили между ним и доской два деревянных клина. Вода перестала бить; она едва сочилась.

— Отбой аварийной тревоги! — приказал лейтенант.

Валерка выбрался из-под торпедного аппарата. Кто-то из моряков помог ему подняться на ноги, буркнул на ходу: «Отдыхай, юнга», и онём тут же забыли. Он нашёл свободное место в углу и присел на ящик с инструментом. Всего на минутку. Рядом громко переговаривались торпедисты. Кто-то требовал: «Кувалду дайте! Кувалду!» Валерка подумал: «Надо подняться, подать». Но не смог — руки и ноги не слу-

шались его. Неожиданно голоса матросов отдалились, стали чуть слышны и вдруг совсем пропали....

Он не проснулся, когда могучие руки силача Потапенко перенесли его на койку. Не услышал он и сигнала на обед. Даже злые удары волн открытого моря не смогли разбудить юнгу. Он крепко спал.

ПЕРВАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ

После полуночи «Щука» ушла подальше от вражеского берега и всплыла на поверхность. Славин поднялся на мостик. Осмотревшись, распорядился провентилировать отсеки и начать зарядку аккумуляторной батареи. Он торопился: в июне рассветы на Балтике ранние, не ровён час, попадёшь на глаза какому-нибудь шалому фрицу.

Глухо зарокотали оба дизеля, и за кормой подводной лодки потянулась пенная дорожка.

«Вот и ещё один день позади,— отметил про себя Славин и удовлетворённо подумал: — Хороший день, ничего не скажешь».

День и впрямь выдался хорош: две атаки и обе успешные. Утром под самым вражьем берегом торпеда уложила на дно гитлеровский транспорт-рудовоз. А под вечер, когда, думалось, уже удачи не будет, из-за горизонта вынырнула целая армада фашистских судов. Все тяжело гружённые, крупные, в воде сидят по самые иллюминаторы.

Славин незамеченным подобрался к конвою, провал под водой кольцо кораблей охранения и ударил по головному транспорту. А потом перешёл в хвост растянувшейся до горизонта колонны и аккуратненько так вlepил две торпеды в борт концевого. Два взрыва, два пылающих на воде гигантских костра. Сторожевики-воробы даже не преследовали «Щу-

ку» — видно, решили, что транспорты подорвались на минах.

Неожиданно посветлело. На волнах засверкали серебристые блики.

«У, чертовка!» — покривился Славин, приветствуя показавшуюся из-за туч луну.

Настроение сразу испортилось. Что-что, а уж луна сейчас была совсем ни к чему. Она повисла над подводной лодкой, ярко высветив и каждую рябину на воде, и корпус «Шуки», и чёткую линию сразу отдалившегося горизонта. Славин покосился на ехидно ухмылявшуюся луну и склонился над люком:

— Вахту на мостик!

Голос у него был сиплый от ночной сырости.

На верхнюю вахту заступила лучшая смена: вахтенный офицер лейтенант Ермилов и наблюдатели боцман Людов и старшина Потапенко. Людов расположился выше всех — на первой тумбе перископа. Ему наблюдать только по курсу лодки. Острые глаза боцмана не раз уже избавляли «Шуку» от столкновения с плавающими минами. Место Потапенко чуть пониже; силач едва уместился на крохотной откидной площадке второго перископа. Он вёл круговое наблюдение по горизонту и следил за воздухом. Командир Славин и лейтенант Ермилов стояли на мостике: один — на правом, другой — на левом его крыле. Изредка лейтенант оборачивался к наблюдателям и предупреждал строже строгого:

— Смотреть внимательно! Ворон не ловить!..

В течение ночи на мостик с разрешения командира поднимался то один, то другой старшина или матрос. В спокойной обстановке, как сегодня, это никому не заказано. А уж как хорошо подышать свежим морским воздухом после пропахших соляром отсеков или выкурить на сон грядущий заветную папироску!

Любой, кто поднимается на мостик, тут же ста-

новится сам наблюдателем. Так издавна заведено на всех подводных лодках и выполняется очень строго. Курит матрос, зажав в кулаке самокрутку, любитесь ночным морем, а сам сверлит глазами горизонт: не мелькнёт ли вдали огонёк, не покажется ли на облитой серебром водной глади чёрная точка — корабль врага. Тишина. Говорят, когда очень нужно, только о самом необходимом.

Под утро вышел наверх и Валерка. Вышел да так и остался на мостике. Боцман Людов заметил его, оглядел по-старшински придиричиво: всё вроде бы на месте — бушлат застёгнут, пилотка чуть сдвинута набекрень, как положено по уставу. Спросил юнгу:

— Чего в эту рань поднялся? Спал бы.

— Я посмотреть... Интересно, — ответил Валерка.

— Тут не цирк, — услышав их разговор, сердито сказал командир. — Хочешь смотреть — полезай к наблюдателям. Всё при деле будешь.

А Валерке что ещё надо? Не мешкая взобрался на самую верхотуру, к Людову. Тот подвинулся, освобождая место на тесной площадке, шепнул скороговоркой:

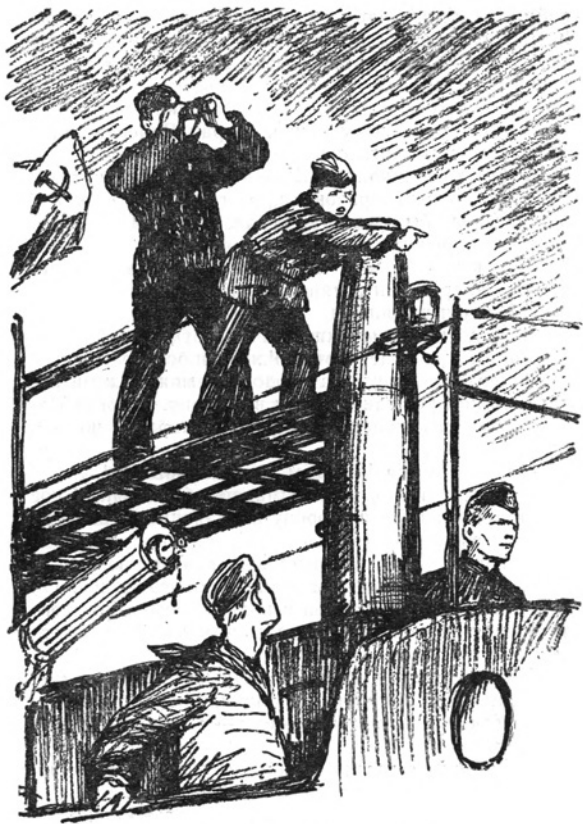
— Прямо по носу лодки наблюдай. Чуть что — кричи. Ясно?

— Угу, — прошептал Валерка. — Бинокль бы мне...

— И без бинокля будешь хорош. У тебя глаза молодые. Гляди и не мешай! — уже недовольно пробурчал старшина.

И Валерка стал смотреть вперёд. Внимательно смотрел. Все глаза проглядел, а ничего, как назло, не показывалось. Пусто море, хоть тресни!

Вначале он волновался, даже дрожь была: в каждой волне мерещились перископы и мины, а потом пообвык, успокоился. С тоской вспомнил тёплую койку в электромоторном отсеке и свой мягкий волосатый матрац. А прошло ещё немного времени, и он

— Мина! Слева! Совсем рядом!..

поймал себя на том, что начал клевать носом. Встряхнулся, сунул руку под бушлат и ущипнул себя за бок, да так, что чуть не взвыл от боли. Людов, конечно, заметил.

— Ты чего?..

— Чешется,— не моргнув, соврал Валерка. Зато спать совсем расхотелось.

А время всё шло, шло. Уже и развиднаться стало. На востоке вдоль горизонта пролегла светлая полоса, и луна вроде бы чуть потускнела. Из люка потянуло запахом жареного.

«Кружечку бы кофе сейчас, да погорячее!» — подумал Валерка. Он потянулся, расправляя затёкшие ноги. И вдруг вздрогнул.

На воде что-то мелькнуло.

Показалось?! Нет, вот оно!..

Валерка взглянул на Людова — может, и он видит? Но нет, боцман смотрел в сторону. И тогда Валерка протянул перед собой руки и закричал во весь голос:

— Мина! Слева! Совсем рядом!.. Вон она!

— Право на борт! — скомандовал Славин, и нос «Щуки» покатился в сторону от маячившей впереди чёрной точки.

Большой, раскачивающийся ванькой-встанькой конус медленно проплывал вдоль борта лодки. Он был наполовину погружён в воду. Из его обросшего водорослями корпуса торчал обломок красно-белого шеста.

Лейтенант Ермилов вытер платком лоб и шумно высморкался. Перевели дыхание наблюдатели.

— Так это ж не мина — буй,— оторопело произнёс Валерка.

Он стыдился взглянуть на командира, на матросов. «Вот чудик, буя от мины не отличил!»

А Славин поглядел на него внимательно и сказал:

— Что докладываешь не по форме — плохо, дол-

жен научиться. Зато всё остальное правильно. Сегодня буй заметил, завтра мину не проглядишь. Объявляю вам благодарность, юнга Рыжов.

Боцман легонько толкнул Валерку локтем:

— Поздравляю. С первым поощрением тебя, юнга.

НОЧНАЯ ГОНКА

После долгого плавания под водой в поисках противника, «Щука» всплыла на поверхность.

— Свяжитесь с базой, примите сводку погоды — позарез нужна! — приказал Славин старшине радистов и поднялся на мостик.

Каждый, кто был в центральном посту, старался держаться поближе к открытому люку. Дышишь не надышишься свежим морским воздухом!

И Валерка тут, устроился на нижней ступеньке трапа. Так бы и сидел там, да старшина Людов прогнал:

— Сквозняк! Простынешь, юнга!

Не успел Валерка присесть у гирокомпаса — тоже недалеко от люка, — как настежь распахнулась дверь радиорубки и старшина радистов закричал:

— Шифровальщика! Срочно!

Откуда-то из кормовых отсеков прибежал с железным чемоданчиком заспанный матрос-шифровальщик — на щеке белые рубцы от подушки. Минут пять спустя он выскочил из радиорубки и помчался на мостик — только подошвы на трапе замелькали.

В центральном посту переглянулись, зашушукались. Не спроста соня шифровальщик носится как наскипидаренный.

— Наверное, ВВО, — шепнул Валерке Федосов.

— ВВО?

— Ну да. «Вне всякой очереди» — самая срочная радиограмма. Теперь жди бури.

Только он это проговорил, как из люка показались командирские ноги. Славин спустился по трапу, взял штурмана Перовского за локоть и вместе с ним подошёл к столу.

Оба склонились над картой. Валерке всё было хорошо видно и слышно. Штурман «погулял» циркулем по карте, потом начал что-то писать на листочке бумаги. А командир стоял сбоку, изредка поглядывал через плечо штурмана и нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

— Ну и как? — спросил он, когда лейтенант закончил наконец свои расчёты.

— К двадцати двум часам в точку встречи не успеваем.

— Почему?

Славин был явно недоволен ответом Перовского. Приказал:

— Проверьте ещё раз!

Лейтенант исчеркал карандашом всю бумажку, опять что-то измерил на карте циркулем и снова сказал:

— К двадцати двум не успеваем.

— Но почему?

— Тут мы пройдем напрямую и выиграем часа два, зато здесь, в этом вот лабиринте, потеряем много времени.— И штурман ткнул тупой стороной карандаша в извилистый проход между двумя неровными прямоугольниками, заштрихованными на карте синими линиями. По обеим сторонам прохода стояли чёткие надписи: «Мины» — и в скобках: «Границы минных полей точно не установлены».

— А если пойдём так? — И Славин перечеркнул ногтем синюю штриховку.— Тогда успеем?

Штурман поднял голову. Помедлил.

— Да... Но опять же мины...

Командир пристально посмотрел на него. Сказал:

— Так и пойдём. Мы должны успеть.

Через четверть часа в центральном посту вокруг штурманского стола собрались командиры боевых частей. Славин говорил коротко, и Валерка, не покинувший своего места возле гирокомпаса, отчётливо слышал каждое слово.

Командир сказал:

— Товарищи, получена срочная радиограмма штаба. На рассвете к нашим берегам вышел немецкий пароход «Герман Геринг». На нём штаб гитлеровской дивизии, особый батальон головорезов-эсэсовцев и дальнобойные орудия, чтобы обстреливать наш Ленинград. Пароход огромный и очень ценный; надо думать, охрану ему дадут немалую.

— Неплохо бы всадить в этого «Германа» парочку наших торпед! Уж мы приласкали бы его что надо,— мечтательно сказал Ермилов.

— Погодите, лейтенант. Рано ещё делить шкуру неубитого медведя,— остановил Ермилова командир.— Других наших подводных лодок в этом районе нет. Мы оказались ближе всех, но транспорт далеко и от нас. Очень далеко. Идя над водой полным ходом, мы сможем встретиться с ним только в двадцать два ноль-ноль... И то если махнём вот так.— И командир перечеркнул карандашом синий прямоугольник на карте.— Но что такое идти по минному полю днём над водой, когда вокруг полно немецких «охотников» и самолётов, вы, надеюсь, понимаете. Я хочу знать ваше мнение, товарищи.

— А пропустить этого «Германа» к Ленинграду можно? — задиристо спросил лейтенант Ермилов.

— Надо идти,— сказал механик и погладил лысину.

— Да,— подтвердил штурман. Хотел ещё что-то сказать, но, видно, передумал, кашлянул в кулак и уткнулся в свою карту.

Командир подождал — не скажет ли он ещё что-нибудь. Но штурман молчал.

— Разъясните личному составу задачу, проверьте готовность оружия и механизмов — и спать! — приказал Славин. — Всем свободным от вахты — спать. Это приказ...

Валерка сидел в торпедном отсеке и слушал Потапенко. Старшина рассказывал торпедистам о том, как перед войной ходил на учебном судне в дальний заграничный поход. Когда Потапенко дошёл до самого интересного — футбольного матча между нашими и английскими моряками, кто-то тронул юнгу за плечо. Валерка досадливо обернулся. Перед ним стоял вахтенный.

— Собирайся, юнга. Пойдёшь на вахту дополнительным наблюдателем, — сказал он и многозначительно добавил: — Гляди, какой тебе почёт — сам командир лодки распорядился.

Валерка поднялся, но тут же снова шлёпнулся на табурет. Палуба перекосилась и поползла куда-то вверх. Вокруг всё дребезжало и скрипело на разные голоса.

— Ого, как бросает, — недовольно проворчал Валерка. За рассказом старшины он и не заметил, как усилилась качка. Широко расставляя ноги, цепляясь за что придётся, юнга добрался до центрального поста. Боцман был уже там. Он строго оглядел Валерку и протянул ему клеёнчатый плащ.

— На вот, надень. И застегнись.

— Давай помогу, — предложил Федосов.

Валерка отмахнулся:

— Я сам. Некогда, — и полез по трапу на мостик.

В колодце люка бешено крутил ветер, давил на плечи, срывал с головы пилотку. Было трудно дышать, и Валерка, пригнув голову, давясь, хватал воздух широко открытым ртом.

Дважды его окатывала врывающаяся в люк вода, едва не сбивая с ног.

Из люка он выбрался мокрый до нитки. Теряя равновесие, обхватил тумбу перископа.

Вокруг лодки редела тьма. Ветер завывал и свистел, и казалось, весь мир—чёрная пропасть. Острый форштевень «Щуки» легко рассекал волны. Взлетая над лодкой, они с маху обрушивались на мостик и надстройку. Временами корабль повисал в воздухе, дрожа всем корпусом, затем проваливался между валами и снова взмывал кверху.

Валерка потянул старпома за рукав:

— Разрешите мне к сигнальщику? — и показал на площадку, где уже сидел наблюдатель.

— Будешь смотреть отсюда, через окно кабины,— вмешался в разговор командир и посоветовал: — Только держись крепче.

Конечно, тут, в ограждении мостика, защищённом от прямых ударов волн, было не то что на тумбе перископа, где ветер валил с ног. Но всё равно вахта — это главное.

Валерка пошире расставил ноги, обнял компасную тумбу и, прижимаясь лбом к толстому стеклу смотрового окошка, стал глядеть в ночь. А рядом редело море, выл ветер, и лодка почти ложилась на волны, кренясь то на один, то на другой борт. Перед глазами металось чёрное, изрытое ямами море и белые комки пены. Волны лезли на лодку со всех сторон, и каждая норовила ударить посильнее, прямо по рубке. Разбиваясь о нос «Щуки», они с грохотом мчались по палубе навстречу Валерке. Сердце леденело, а глаза сами зажмуривались при каждом ударе. Когда мостик заливали бурлящие потоки воды, Валерка переступал с ноги на ногу и радовался, что надел выданные боцманом сапоги. Сейчас он и забыл, что они велики. Выходит, зря спорил со старшиной.

Старпом, наблюдавший за юнгой, легонько подтолкнул командира.

- Может, отошлём его вниз?
Славин покачал головой.
— Пусть привыкает. Не сахарный...

Близилась полночь, а фашистского конвоя не было и в помине. Четыре пары насторожённых глаз сверлили ночь с мостика подводной лодки. И всё понапрасну — вокруг только беснующееся море и пустынный, без единого дымка горизонт. Ветер несколько ослабел, но лодку по-прежнему сильно качало и мостик часто захлёстывали волны. Время от времени наползал не то туман, не то густой мелкий дождик, и тогда за его частой сеткой нельзя было ничего рассмотреть.

Славин выколотил трубку о поручень, набил её новой порцией табака и, не прикуривая, сунул в рот. Курить на мостике он сам запретил — противник может появиться в любую минуту.

Штормовая погода и долгое бесплодное ожидание не настраивали на весёлый лад. «Может, этот чёртов «Герман» не вышел из порта? — подумал Славин, обшаривая глазами волны. — А вдруг он уже прошёл, пока мы барахтались в минном поле?! Нет, не мог пройти... Не должен был пройти», — успокаивал себя Славин. Брызги хлестали его по лицу, заползали за ворот кителя ледяными струями, а он только сильнее сжимал зубами мундштук трубки.

Из люка, балансируя, как цирковой акробат, вылез кок с чайником и пакетом бутербродов в руках. Но командир отмахнулся:

— Потом, Васин... потом...

Ветер неожиданно переменялся и погнал тучи на север. Шторм шёл на убыль. Гребни волн сгладились, хотя на их вершинах ещё курчавились белые завитки пены. На миг проглянула и тотчас спряталась луна. В то же мгновение сигнальщик радостно выкрикнул:

— Справа по носу силуэт корабля!.. Нет, три силуэта! — поправился он. — Вот они!..

Впереди, правее курса «Щуки», смутно темнели три расплывчатых пятна: одно большое и два поменьше. Они почти растворялись в ночи. Темнота скрадывала расстояние, и Славин, сколько ни вглядывался, не мог даже примерно определить дистанцию до них. Во всяком случае, он был уверен, что она велика.

Внизу по отсекам прокатилась тревожная дробь звонков. В течение нескольких секунд из люка слышался шум, громкие голоса; затем всё стихло, и центральный пост доложил:

— Подводная лодка к бою готова!

Старпом принял к указателю гирокомпаса и взял несколько пеленгов на фашистские корабли.

— Они уходят от нас! — закричал он встревоженно. — Очень быстро уходят!

Командира охватило беспокойство. Погружаться поздно — будет потеряно слишком много времени. Выход один — попытаться обогнать конвой в надводном положении, занять выгодную позицию и атаковать торпедами из-под воды.

Славин назвал рулевому новый курс и перекинул рукоятку машинного телеграфа на самый полный ход.

Подводная лодка вздрогнула и рванулась вперёд. Двигатели уже не пели, а, захлёбываясь, ревели, как бешеные. Палуба и надстройка вибрировали, и их дребезжание покрывало шум волн и ветра. Тяжёлые брызги окутали лодку от носа до кормы. Равномерная качка прекратилась. Накренясь, «Щука» с устрашающей беспомощностью падала в бездонную пустоту, а затем, словно наткнувшись на стену, вздрагивала всем корпусом и, стремительно выпрямляясь, взлетала над волнами. Рулевой с трудом удерживал корабль на курсе.

На мостик прибежал механик. Он взмолился:

— Двигатели работают на пределе, нельзя больше увеличивать скорость!

— Так к дьяволу ваш предел! Прибавить ещё десять оборотов! — приказал Славин.

Расстояние между кораблями противника и «Щукой» сокращалось медленно. Понадобилось более часа, чтобы наконец поравняться с конвоем. Теперь подводная лодка шла параллельным с ним курсом. Летели минуты, а старпом, прильнувший к визиру пеленгатора, неизменно докладывал:

— Пеленг на конвой не меняется!.. Пеленг всё тот же!..

Скорость подводной лодки и немецкого конвоя была одинаковой.

Славину показалось, будто немцы, разгадав его замысел, также увеличили скорость и включились в сумасшедшую ночную гонку. Но он тут же откинул эту мысль. «Нелепица! Разве противник позволит лодке идти в такой близости от себя!..» Ясно было одно: обогнать конвой, чтобы ударить из-под воды, невозможно.

Неожиданно среди волн, там, где шли гитлеровские корабли, яркой звёздочкой вспыхнул огонёк. Спустя миг он погас. Загорелся снова и быстро-быстро замигал навстречу подводной лодке.

— Они нас вызывают! — доложил сигнальщик.

«Обнаружили!»

Славин не сводил глаз с далёкого огонька. Решения приходили одно за другим.

Всё не то!.. И вдруг искрой сверкнула мысль. Она была удивительно простой, и это пугало. «Бред!.. Сумасшествие! — подумал он и тут же понял: — Действовать иначе нельзя!» План атаки сложился мгновенно. Славин бросился к визиру надводной стрельбы.

— Атакуем в надводном положении! Право на борт! Курс прямо на конвой! Торпедные аппараты... товсь!..

Нос подводной лодки стремительно покотился вправо. Волна, с силой ударив в борт, обрушилась на мостик. Славин на секунду потерял конвой из виду, но сразу же снова нашёл его. Оттуда по-прежнему мигал огонёк сигнального фонаря.

— Что они пишут? — не отрываясь от визира, спросил Славин.

— Только три буквы: червь, добро, живёте, — ответил сигнальщик. — Наверное, запрашивают позывные. За своих, видать, приняли.

— Отвечайте им.

— Что?.. Что отвечать?

— Что-нибудь, всё равно что. Хотя... Сигнальте им те же три буквы... Ну, живей же!

Сигнальщик с ловкостью белки взобрался на тумбу перископа и, направляя луч в сторону конвоя, быстро застучал клапаном фонаря.

Огонёк на горизонте исчез. Пауза была долгой. Но вот искорка в ночи вспыхнула снова и замигала быстрее прежнего.

— Психуют, собаки! — злорадно прошептал Славин.

Он представил себе, как мечутся в эти минуты на мостиках своих кораблей немецкие командиры. Открыть огонь по лодке не решаются — вдруг своя? — и близко подпустить боятся — что, если чужая? «Минут бы десяток ещё», — прикинув расстояние до противника, как о несбыточном подумал он.

Его охватило уже знакомое, ни с чем не сравнимое чувство. Нет, это не был азарт игрока, поставившего всё на карту. Это чувство порыва и необыкновенной ясности сознания знакомо лишь настоящим бойцам: парашютисту перед прыжком с крыла самолёта; солдату, поднимающемуся по свистку в штыковую атаку; пилоту, сошедшему на вираже лоб в лоб с врагом.

Расстояние до конвоя заметно сократилось. Те-

перь Славин мог различить в визир даже строй вражеских кораблей. Стрелять торпедами было нельзя, хотя дистанция до противника и позволяла дать залп. Немецкие корабли охранения, двигавшиеся гуськом, прикрывали огромный пароход от лодки точно стеной.

Над волнами, оставляя в чёрном небе искрящийся след, взмыла ракета. Она повисла между конвоем и лодкой, осветив море неживым мерцающим светом. Один из кораблей охранения стремительно покатился влево, поворачивая на «Щуку». Ярко сверкнули языки пламени. Казалось, вспыхнуло море. Звуки артиллерийских выстрелов слились в могучий незатихающий грохот.

«Разобрались-таки», — спокойно, будто о чём-то постороннем, подумал Славин.

Между кораблями наконец появился узкий просвет. Он быстро ширился, открывая чёрный борт транспорта. Нос «Геринга» наползал на серебряную нить прицела. Когда он коснулся её, Славин сжал кулаки и торжествующе выкрикнул:

— Залп!

СИГНАЛ БЕДСТВИЯ

Жестокий шторм трепал подводную лодку пятье сутки подряд. Все эти дни Славин почти не смыкал глаз. В поисках гитлеровских кораблей он увёл «Щуку» под самый вражеский берег. Надеялся: может, тут повезёт — встретится фашистский транспорт или военный корабль. Но море было пустынно, будто метлой его вымело.

— В порту, гады, отсиживаются и свой вонючий шнапс лакают! — ругались в сердцах подводники.

Все на лодке ходили зелёные, злые. А вернее, не «ходили» — ползали, карабкались, цепляясь за что

придётся. Разбушевавшееся море не щадило никого. Не проходило и пяти минут без того, чтобы кто-то не мчался со всех ног к брезентовому ведру, установленному посредине отсека. В иные дни у кока от любителей добавки отбою нет, а тут раз, два — и обчёлся.

Даже старые балтийцы охали: «Давненько уже такого не видавали!» О Валерке и говорить нечего. Думал — первый шторм навсегда вылечил от морской болезни. Какое там! Может, сейчас ему было и получше, чем в тот раз, но всё равно ох как тяжело! А боцман Людов не милует — то срочное дело ему придумает, то коку в помощники чистить картошку посылает.

Тоже работёнка! В шторм на корабле нет места хуже камбуза. Мало того что качает — всю душу выворачивает наизнанку от запахов. И на кока Валерка теперь стал смотреть по-другому. Прежде он как думал? «Кок — не моряк. Крутится у плиты, как домохозяйка».

А между прочим, попробуй покрутись возле неё с рассвета и до поздней ночи, накорми-ка полсотни голодных ртов! Да ещё если шторм, если камбуз всего-то два шага в длину, а перед тобой раскалённая печка, уставленная чадящими и шипящими бачками-кастрюлями, и палуба каждую минуту становится дыбом, и старпом грозно спрашивает: «А почему обед на три минуты запаздывает?!» Нет, что ни скажи, трудное дело у корабельного кока, ничуть не легче, чем у торпедиста или у комендора. Уж это Валерка теперь точно знает...

На поверхности моря бушевал шторм, но в отсеке не слышно было ни воя, ни грохота, только сильно качало. Свободные от вахты моряки использовали спокойное время каждый по-своему. Одни отсыпались впрок, другие читали книжки. Кое-кто, изловчившись, даже писал письма, хотя до ближайшей

полевой почты миль не сочтёшь. Когда-то ещё эти письма попадут в почтовый ящик!

Валерка лежал на койке на животе и рассматривал картинки в прошлогоднем журнале. Шелестел страницами и прислушивался к разговорам. А говорили матросы про всякое. Один вспоминал дом, другой—девушку в Кронштадте, третий клял фашистов, а Потапенко всё про своего Грицька говорил. Восхищался. А чего им восхищаться, этим Грицьком, если он только-только ходить учится?! Боцман Людов тоже лежал рядом. Глаза закрыты, не поймёшь — спит или о чём-то задумался.

— А что, хлопцы, море вроде успокоилось? — сказал Потапенко и, приложив ладонь к уху, прислушался.— Ось, бачите?

— Как же, успокоилось, как Полкан у нашего соседа,— засмеялся Федосов.

Он принялся рассказывать о соседском Полкане, но тут из переговорной трубы слышалось:

— Старшину Людова на мостик! Старшину Людова...

Остальные слова команды потонули в звоне колокола громкого боя. Моряков сдуло с коек словно ветром. Все бросились на боевые посты.

У Валерки своего поста нет, и он помчался за Людовым. Боцман, на ходу натягивая штормовку, бежал к трапу. Валерка не отставал.

— Ты куда, пострелёнок? — оглянулся Людов. Но не прогнал.

И Валерка смолчал. Что тут скажешь. Сопел и лез себе по трапу за старшиной.

Оба выбрались на мостик. Боцман подбежал к командиру за указаниями, Валерка остался возле люка. Старпом покосился на него, но ничего не сказал. И на том спасибо.

Все, кто был на мостике, смотрели на море. И Валерка тоже стал смотреть. Только не видел ничего.

Потом вдруг правее носа «Шуки» в волнах что-то мелькнуло. На секунду покажется — снова исчезнет. Пригляделся, видит — рыбацкая шаланда! Большая, с каabinкой на корме, с мачтой. Разодранный парус хлопает по ветру. На мачте, на самой её вершине, чёрный шар и под ним флаг — не понять какой.

— Сигнал бедствия, — сказал рядом штурман.

— Наши? — живо обернулся Валерка.

— Откуда нашим тут взяться. Скорее, немцы или шведы. Видно, давненько их по морю гонят.

Шаланду стало хорошо видно. Взлетая на гребень очередной волны, она резко накреньялась, черпая воду то одним, то другим бортом. В эти секунды показывалось даже её днище — зелёное, густо заросшее водорослями. На дне шаланды возле мачты были свалены сети со стеклянными поплавками. На сетях, вцепившись в борта, лежали три человека. Смотрели в сторону «Шуки». Лиц не разглядеть — белые пятна.

— Боцман, приготовьтесь подать им конец! — приказал командир.

Людов, пристально вглядывавшийся в рыбацкую шаланду, резко повернулся:

— Так это же немцы!.. Фашисты! Они все...

— Боцман, выполняйте приказ! — оборвал его Славин.

— Что они делают! Что творят, черти! — закричал вдруг старпом.

Зарываясь в волны по самую мачту, шаланда неожиданно резко повернула, и прибойным валом её понесло прямо на «Шуку».

— Лево на борт! — скомандовал Славин и схватился за ручку машинного телеграфа, чтобы остановить дизель.

Валерка обеими руками вцепился в поручень мостика, широко расставил ноги и всё же не удержался — упал на колени.

Сначала послышался испуганный выкрик старпома: «Полундра! Держитесь!», следом за ним — резкий тупой удар, треск ломающегося дерева, скрежет железа. Дизель умолк, будто поперхнулся, и наступила тишина.

Валерка успел разглядеть, как мимо подводной лодки в сторону кормы с грохотом пронеслась чёрная, низко сидящая шаланда. Её мачта была обломана, сбитый парус лежал поперёк судёнышка. В шаланде суетливо топтались люди. Один пытался оттолкнуться руками от крутого борта «Щуки», второй крепил конец, поданный боцманом, третий застыл на корточках с черпаком в руке. Лицо его, мокрое, испуганное, было запрокинуто кверху.

С мостика «Щуки» в шаланду, прямо на сети, полетели буханка хлеба и консервы. Прошла секунда, другая, и шаланду унесло на тросе за корму. Оттуда доносилась хриплая гортанная речь.

— Немцы... Благодарят,— пояснил старпом, немного понимавший по-немецки.

— Спросите: почему болтаются тут, откуда они? — ни разу не оглянувшись в сторону шаланды, сказал командир.

Старпом приложил к губам рупор и закричал по-немецки, стараясь пересилить грохот волн.

Издалека донёсся слабый, прерывающийся голос.

— Они из Штральзунда,— перевёл, запинаясь, старпом.— Шторм застал их на лове. Третий день без продуктов. Спрашивают, что с ними сделаем. Просят не убивать...

— У-у, подонки! Думают, если их фашисты зверьё, так и все такие,— сквозь зубы процедил штурман.

А с шаланды продолжали кричать; сначала в один, потом в два тоскливых, умоляющих голоса.

— Да успокойте же их, старпом! — передёрнул плечами Славин.— Скажите, что не станем их топить.

Скажите, что доведём на буксире поближе к берегу и пусть убираются к чертям собачьим.

Старпом снова взялся за рупор. Немцы успокоились. Было видно, как они, лёжа на сетках, рвут пальцами буханку нашего русского хлеба.

— А и вправду, товарищ командир, что станем с ними делать? — повернулся старпом к Славину.

— Как сказал, так и сделаем: подведём ближе к берегу и пусть катятся в свой рейх!

— Да, но...

— Что «но»? Не топить же их, как котят, в самом деле. В плен, скажете, взять?.. А кому они нужны, нахлебники? Пусть уж лучше своего Гитлера, чем Советскую власть, объедают...

— А если они не рыбаки вовсе? — не сдавался старпом.

— Не думаю. Но всё равно ни времени, ни возможности для проверки у нас нет,— махнул рукой Славин и отвернулся.

Матросский «телеграф» тут же разнёс по отсекам, что на буксире у «Щуки» шаланда с немецкими рыбаками. И пошли споры-разговоры. С оглядкой, конечно,— решение командира обсуждению не подлежит.

В центральном посту схватились старшина Зинин и Федосов. Сидели друг против дружки, чуть лбами не стукались. Оба надутые, красные. Петухи, и только.

— Значит, говоришь, всех немцев — под корень? — спросил Зинин.

— А что?.. Всех! До единого! — горячился Федосов. Он вдруг побледнел.— А у нас они что делают?.. Людей в душегубках травят, танками на куски рвут...

— Так то фашисты, а многие простые немцы, может, вовсе и не одобряют...— попытался вставить Зинин.

— Простые?! А где они? Почему не отвинтят башку Гитлеру? Все — одна банда. Ненавижу!

— Здорово ты рассудил, матрос! — раздался негромкий голос от двери. Это был командир.

Все вскочили. Славин махнул рукой:

— Сидите,— и присел рядом.— Значит, все — бандиты? — сдерживаясь, тихо спросил он. Его поразила злая страстность Федосова.— И те, что в тюрьмах, в концлагерях? И те, кто за Тельманом идёт?..

Федосов молчал, закусив губу.

— Вот то-то и оно! Гитлера с немецким народом не путай,— покачал головой Славин.— А фашистов?.. Этих — калёным железом. Без жалости.

Славин поднялся и пошёл из отсека. Уже держась за дверную ручку, обернулся и сурово повторил:

— Этих — без жалости!..

Всю ночь «Щука» тащила за собой на буксире немецкую шаланду. К рассвету ветер немного утих. Шторм шёл на убыль. Тучи, как клубы дыма, стлались над самыми волнами. В далёкой дали серой, едва различимой полоской обозначилась земля. Там — Германия. Вражеский берег.

— Передайте им, пусть приготовятся отдать буксир. Теперь не заблудятся,— усмехнулся Славин. Голос у него был усталый, но не злой.

Старший помощник взялся за рупор. Старательно подбирая чужие слова, передал командирский приказ.

На шаланде тотчас зашевелились. Один из рыбаков встал к рулю, двое возились с буксирным тросом.

Славин скомандовал:

— Стоп двигатель! Пусть отдадут буксир.

Натянутый струной трос обвис. Боцман Людов, побряхтывая, принялся вытаскивать его на палубу «Щуки». Валерка бросился на помощь старшине.

— Молодец боцманёнок! — похвалил старший помощник.

Немцы поставили починенный за ночь парус. Ветер надул его, и шаланда, ныряя среди волн, ходко двинулась к берегу.

Вот она поравнялась с мостиком «Шуки». Рыбаки махали над головами зюйдвестками. До подводников едва долетали заглушаемые морем голоса.

— Что они? — спросил командир.

Старпом был взволнован.

— Говорят... Никогда не забудем...

— Что ж, может быть, и не забудут,— задумчиво сказал Славин.

ПОЕДИНОК

— Не нравится мне этот парусник! Ох не нравится! — тихо проговорил Славин, но его слышали в самых дальних уголках центрального поста.

— Почему не нравится? Некрасив, что ли? — подал голос старпом. Он не сводил глаз с приникшего к перископу командира.

— Уж больно смел — один посередке моря болтается. Палуба высоко над водой — значит, без груза. А почему? Куда, откуда идёт, тоже не понять: похоже, без дела мыкается. И потом, эта антенна на мачте!..

— Вы считаете... — начал старпом.

— Ничего я пока не считаю,— оборвал его Славин и строго бросил: — Гидроакустику — усилить наблюдение!

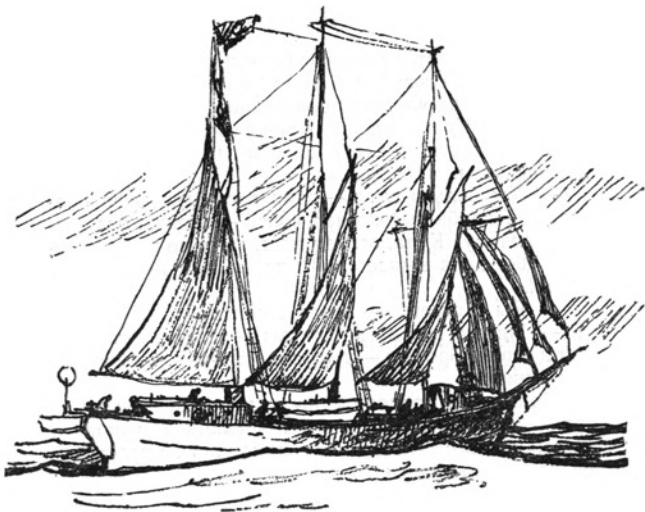
На секунду подняв голову от перископа, он снова уткнулся в окуляр. Дважды щёлкнула рукоятка дальномерного устройства, и командир по-прежнему раздражённо объявил:

— Дистанция до шхуны семь с половиной кабельтовых. Пеленг...

Славину было отчего злиться. Вот уже третий час лодка тащится, словно привязанная, за этим дурацким парусником. Куда он — туда и она: он вправо — «Щука» поворачивает вправо, он влево — она за ним.

А чего бы, кажется, проще: трахнуть из-под воды торпедой — и дело с концом! Да ведь жалко тратить торпеду. Мало их осталось, на более важную цель пригодятся. Всплыть и потопить артиллерией? Как говорится, и дёшево и сердито... «Нет, погожу ещё малость», — в который уже раз одёргивал он себя.

Подозрительна ему шхуна. Слишком франтовата для хозяйского работяги-парусника. К тому же идёт непонятными курсами. И антенна на мачте...

Немало он слышал о хитрых судах-ловушках, да и в книжках о них читал. В первую мировую войну их широко применяли и англичане и немцы. Идёт себе по морю эдакое безобидное с виду судёнышко, а чуть подлодка противника высунет нос, откуда только и пушки, и пулемёты, и глубинные бомбы возьмутся. Трах-бах — и нет доверчивой субмарины: одни пузыри да масляные пятна на волнах...

«А это что за надстроечка? Не пушки ли там за-прятаны? — недоверчиво рассматривал шхуну Славин. — Да нет, какие там пушки! Обычные тамбуры. И команда как команда: кто в чёрном, кто в белом, в свитерах, в вязаных жилетах, в длиннополых бушлатах. И по судну слоняются, как не бывает на военных кораблях...» В перископ всё было видно: двое матросов и бородач в шапке-финке, наверное боцман, возились у якорной лебёдки на баке, ещё двое мели палубу швабрами, а по мостику прохаживался капитан с биноклем на шее.

Тратить торпеду на парусник Славину было жалко, всплыть опасался — вдруг в самом деле ловушка, но и выпустить судно, на флаге которого раскорячилась фашистская свастика, он не мог. Вот и злился и дёргал беспричинно и себя и команду.

Гидроакустик доложил:

— Море и горизонт чисты, слышу только шумы парусника. Похоже, насос воду качает.

И тогда Славин решил. Приказал:

— Комендорам — в центральный пост! Боцман, всплывай!

Море ещё омывало палубу, а Славин, лейтенант Ермилов и комендоры уже выскакивали через рубочный люк на мостик и бежали к пушкам.

На паруснике заметили всплывшую подводную лодку, засуетились. На мачтах прибавилось парусов. Шхуна резко накренилась, повернула на обратный курс и понеслась прочь от «Щуки».

Взобравшись на верхнюю площадку перископа, Людов замахал сигнальными флажками, вызывая парусник по международному своду сигналов. Под диктовку Славина он семафорил: «Лечь в дрейф! Команде покинуть судно. Через пять минут открываю огонь!..»

Снизу из люка высунулась голова радиста. Лицо у него было багровое. Задыхаясь от быстрого бега, он доложил:

— Товарищ командир, парусник радирует открытым текстом по-немецки. Пишет: «Всем! Всем! Всем! Атакован советской подводной лодкой! На помощь!»

Славин поднял к глазам бинокль и долго рассматривал шхуну. На сигналы она не отзывалась, палуба её опустела, и на мостике никого не было видно.

— Вот дьяволы! — выругался Славин и приказал лейтенанту Ермилову: — Открыть огонь!..

Отрывисто гроыхнул первый выстрел. Это ударила носовая пушка. Славин изменил курс лодки. Он развернул «Щуку» так, чтобы могли стрелять оба орудия. К шхуне, однако, близко не подходил — всё ещё ожидал подвоха.

Первые залпы легли с перелётом, следующие поднялись сразу за шхуной.

— Меньше два!.. Беглый огонь!.. — корректировал стрельбу лейтенант.

Море перед парусником вспучилось, выбросило на высоту его мачт медленно опадающие фонтаны. Шхуна виляла то в одну, то в другую сторону. Позади её мостика взблеснули несколько ярких вспышек и густо повалил чёрный дым. Паруса на мачтах вдруг опали, и шхуна, пройдя по инерции какое-то расстояние, остановилась. Волны и ветер разворачивали её бортом к подводной лодке. На фок-мачте парусника появились пёстрые флаги.

— Что они? — спросил Славин у Людова. Тот быстро листал толстенный том свода сигналов.

— Застопорили ход. Просят разрешения спустить шлюпки и покинуть судно.

— Давно бы так, а то фокусничают,— удовлетворённо пробурчал Славин и приказал прекратить огонь.

— Отставить стрельбу! Орудия продолжать наводить! — скомандовал лейтенант Ермилов.

«Щука» медленно приближалась к лежавшему в дрейфе паруснику. Его шлюпки были уже на воде, и в них прыгали обезумевшие от страха люди. Одна за другой шлюпки отходили от шхуны. Матросы гребли вразброд, и шлюпки вертелись почти на месте поблизости от судна. По палубе шхуны от борта к борту с лаем метался забытый командой большой чёрный пёс.

Славин поднял руку—сейчас скомандует открыть огонь по опустевшей шхуне. Но из люка раздался истошный крик старпома:

— Ловушка! На паруснике люди. Они переговариваются по гидроакустике с подводной лодкой. Слышим её шумы. Лодка быстро приближается!

— Все — вниз! Срочное погружение! — скомандовал Славин.

Комендоры, громко топоча по палубе, бросились к люку. Следом за ними спрыгнул в люк и Славин. В последний миг каким-то боковым зрением он успел заметить столб воды рядом с лодкой. Это открыл огонь «обезлюдевший» парусник.

«Так вот в чём хитрость! Работают в паре: шхуна — приманка, а подводная лодка — крючок», — понял Славин.

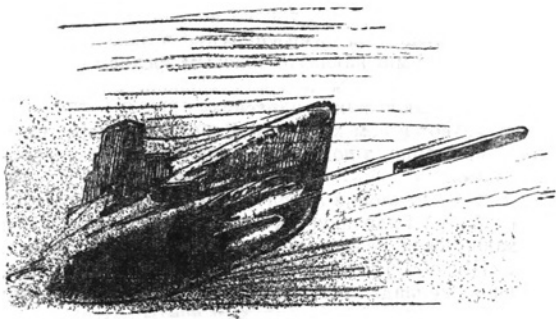
Резко наклонив нос, «Щука» проваливалась в глубину. Гидроакустик непрерывно докладывал о фашистской подлодке. Она ходила где-то близко, над «Щукой». Несколько раз в отсеках то возникал, то вновь пропадал свистящий металлический гул: это загребали воду её вращающиеся винты.

Славин прошёл в рубку гидроакустика, надел вторые наушники. Шумы винтов немецкой подводной лодки слышались очень отчётливо. Потеряв «Щуку», она рыскала в глубине, чтобы неожиданно ударить.

В отсеках «Щуки» установилась тишина. Славин приказал выключить все механизмы и приборы, кроме гирокомпаса, запретил разговоры и передвижения из отсека в отсек. Было слышно лишь, как натужно дышит боцман, ворочая вручную тугие рулевые штурвалы. Жужжащий шмелем гирокомпас накрыли металлической крышкой и сверху придавили несколькими матрацами.

«Теперь всё зависит от выдержки и терпения. У кого нервы сдадут, тому и на морском дне вековать», — сказал себе Славин.

В крохотной рубке гидроакустика, до предела забитой работающими приборами, было душно и жарко. По щекам Славина стекали ручьи пота, но он не

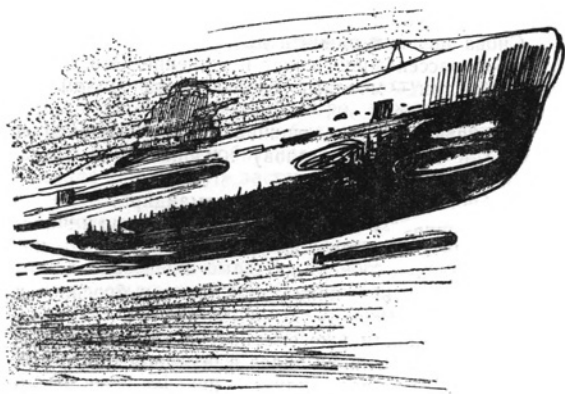

вытирал лица — боялся отвлечься, пропустить малейшее изменение в обстановке. Знал — это смерти подобно. А обстановка изменялась непрерывно и с невероятной быстротой. Только что фашист был справа, а вот он уж переходит на левый борт, потом ползёт за корму «Шуки», и ноющий гул его винтов ввинчивается буравами в уши.

Стопорил моторы фашист, чтобы прислушаться, — стопорил свои двигатели и Славин. Давал ход немец — и тут же начинала двигаться «Шука», не опережая, но и не отставая ни на секунду. Так и крутились фашистская субмарина и «Шука» друг возле дружки, где-то над ловушкой-парусником.

У «Щуки» было преимущество — фашисты плохо соблюдали тишину, и Славин старался это использовать. Он их слышал почти всё время, они его — навряд ли.

Вот в наушниках тихо затарахтело, будто прово-

дят пальцем по зубьям расчёски. Гидроакустик обернулся, хотел объяснить, но Славин махнул рукой: без объяснения ясно — работают горизонтальные рули на немецкой подводной лодке. А вот отрывистое шипение. Всего-то секунду его было слышно, но Славин успел определить место противника. Нет, не даром он провёл столько часов в учебном гидроакустическом классе перед этим походом. Вот она — плата за терпение и упорство.

Гидроакустик предостерегающе поднял руку.

— Идёт прямо на нас! Быстро приближается...

Гул в наушниках усилился. К нему примешивалось какое-то звонкое постукивание, словно тикали приложенные к уху часы.

Громкое отрывистое шипение и щелчки заставили вздрогнуть.

— Торпеды! — крикнул гидроакустик. Лицо его стало белее снега.

Сверля барабанные перепонки, возник, в мгновение усилился до рёва и тут же затих, быстро удаляясь, скрежещущий свист.

Снова щелчки, один за другим, почти без пауз. И снова рассекающий свист и шипение. Это торпеды — их три — мчались вдоль борта рядом со «Щукой».

И опять гнетущая тишина, глухие посвисты и скрипы в сдавивших голову наушниках. А затем вскрик гидроакустика:

— Она всплывает, товарищ командир!..

В наушниках у Славина громко булькало и шипело. «Значит, не выдержал фашист, продувает цистерны!»

— Всплывать! — приказал Славин и бросился к перископу.

На поверхности уже смеркалось. Немецкая подводная лодка — Славин видел в перископ её чёрный, вытянувшийся на воде силуэт — покачивалась на по-

логой зыби рядом со шхуной. Фашисты переговаривались: ярко вспыхивали огни их сигнальных фонарей.

«Обо мне небось судачат. Жалеют, что упустили», — мельком подумал Славин.

Не отрывая глаз от перископа, спросил:

— Как торпедные аппараты?

— Готовы торпедные аппараты! — живо откликнулся стоявший сбоку штурман.

— Лево руля!.. Отлично, боцман. Ещё немного...

«Спокойней... Спокойней!» — приказал себе Славин.

Нос «Щуки» медленно наползал на силуэт фашистской субмарины. Когда её мостик перечеркнул крест прицела, Славин очень спокойно скомандовал:

— Пли!..

Не пожалел он торпеду и для судна-ловушки. Гитлеровская шхуна, разорванная взрывом пополам, затонула почти мгновенно.

КАТАСТРОФА

Сегодня боцману с восьми на вахту — управлять горизонтальными рулями. Утро, кажется, обещает быть спокойным, и Людов будит юнгу. Валерка брыкается и мычит. Любит поспать юнга, но короткая команда «На вахту!» заставляет его мигом вскочить с койки.

После умывания Валерка и Людов завтракают. Кружку ароматного кофе Валерка осушает в один миг, а надоевший омлет из яичного порошка украдкой подсовывает соседу. Однако боцман начеку.

— Не привередничай! — говорит он строго. — Вахта долгая, и негоже, чтобы у рулевого от голода живот к позвоночнику прилипал. В общем, так: не съешь — не пойдёшь.

Последний аргумент неотразим. Валерка поспешно пододвигает к себе тарелку. Расправившись с ненавистным омлетом, он отправляется вслед за боцманом в центральный пост.

Тут ему давно всё привычно. Отсек ярко освещён. Ровно стрекочут приборы; то подвывает, то пощеньчи повизгивает перископная лебёдка; в тесном закутке, прозванном на лодке «курытником», шуршит картами штурман; командир, как всегда, мурлычет под нос любимую «Каховку».

Боцман и Валерка усаживаются на разномыслие перед штурвалами горизонтальных рулей. Справа от них пост погружения и всплытия. У щита несёт вахту Федосов. Он приветливо улыбается и подмигивает Валерке. Слева от них сидит Рокотов — он управляет вертикальным рулём. За спиной, с трудом ворочая тугое тело перископа, совершает бесконечные круги вахтенный офицер.

Валерка подкладывает под себя три толстых тома лощи (меньше нельзя — низко), усаживается поудобней и берётся за штурвалы. Металл приятно охлаждает вспотевшие от нетерпения ладони.

До чего ж увлекательное это дело — управлять горизонтальными рулями подводной лодки и чувствовать, как послушен тебе огромный корабль! Не прогоняй боцман отдыхать, Валерка часами не отходил бы от горизонтальных рулей.

«Вот бы в бою ими поуправлять, во время торпедной атаки!» — восторженно думает он и не замечает того, как заколебался пузырёк дифференциатора и, дрогнув, стронулась с места стрелка глубиномера.

— Юнга, галок не лови, — трогает его за плечо Людов и терпеливо поясняет: — Наша «Щука» — рыбка с норовом, зевак не любит. Чуть замечтаешься, она нырь в глубину или задерёт нос и полезет на поверхность.

Старшина кладёт тёплые шершавые ладони на

Валеркины напрягшиеся руки и, когда лодка оказывается на заданной глубине, предупреждает:

— Вот так и держи. Не отвлекайся.

Сегодня Валерке трудно не отвлекаться. Скоро конец похода, а там — Кронштадт... Потом он думает о командире Славине, о матросах, своих друзьях, о боцмане Людове. Никогда, никогда он не расстанется с ними... И тут же появляется тревожная мысль: «Возьмут ли в следующий боевой поход?» Валерка подсчитывает в уме все «за» и «против». Не так-то уж много набирается «за». Честно говоря, их как их мало! Но он лукавит с самим собой и всё же решает: «Возьмут... Должны взять...»

Вахта Людова и Валерки уже кончалась, когда произошло непредвиденное. Во время поворота на новый курс рулевой-вертикальщик тревожно доложил:

— Лодка не управляется! Вертикальный руль вышел из строя!

Вахтенный офицер скомандовал:

— На горизонтальных рулях — точнее держать глубину! Перейти на аварийное управление вертикальным рулём!

Рулевой вскочил с табурета и побежал в кормовой отсек: там находится запасный рулевой пост.

Боцман подтолкнул юнгу, пересел на его место и взялся за штурвалы горизонтальных рулей. Они поменялись местами так быстро, что стрелка глубиномера даже не дрогнула.

Валерка смотрел на картушку компаса; она бежала по кругу не останавливаясь. От бывалых моряков Валерка слышал — беда, когда из строя выходят рули. К примеру, заклинит вертикальный руль, и корабль, вместо того чтобы плыть назначенным курсом, станет кружиться на одном месте. А что будет, если поблизости окажется враг?!

Валерка с испугом поглядел на матросов, на Людова. Их лица были спокойны. «Ничего страшного,— успокоился он,— сейчас включат запасный руль, и всё будет хорошо!»

Но по-Валеркиному не случилось. Из переговорной трубы послышался взволнованный голос:

— Руль заклинило! Аварийный руль не действует!

Славин приказал подменить на вахте Людова. Боцман сдал управление горизонтальными рулями и вместе с инженер-механиком отправился выяснять причину аварии. С ними пошёл и Валерка. Боцман хотел было его прогнать, но механик махнул рукой: «Пусть идёт».

Они переходили из отсека в отсек, внимательно осматривали и ощупывали каждую деталь рулевого привода. Там, где было темно, боцман подсвечивал ручным фонарём. Потом он отдал фонарь Валерке.

— Юнга, посвети сюда!.. Рыжов, освети этот участок!.. Ближе свети!..— командовали то боцман, то механик, и Валерка с поспешной готовностью выполнял их приказания.

Однако неисправности они не нашли. Всё будто бы цело, а вертикальный руль тем не менее не действует.

— Повреждение где-то в надстройке,— доложил инженер-механик, когда они возвратились в центральный пост.

— Что предлагаете? — спросил Славин.

Он мгновенно представил себе место аварии — невероятно узкое, оплетённое трубопроводами пространство в надстройке между прочным корпусом лодки и верхней палубой. Туда не то что работать — забраться трудно.

— Нужно всплыть, иначе повреждения не исправить.

— Всплыть? — покачал головой командир.— Легко сказать: «Всплыть». Но сейчас на поверхности день, в любую минуту могут появиться немецкие катера или самолёты... А тогда что?

— Иного выхода не вижу. Не дожидаться же ночи?

— Да, ночи дожидаться нельзя,— сказал Славин после продолжительной паузы.— Кого предлагаете послать в надстройку?

— Боцмана. Рули — его заведование,— ответил механик.

— Не согласен,— возразил командир.— Ему работать в надстройке не с руки, застрянет ещё, чего доброго. В надстройку пойдёт Федосов — он шупленький. А в помощь ему дадим...— Славин оглядел всех, кто находился в центральном посту.

— Я с ним пойду. Разрешите мне? — попросил старшина Зинин.— Разрешите, товарищ командир?

— Нет, с Федосовым пойдёт Ваньков,— решил Славин и повернулся к лейтенанту Перовскому.— Вызовите Ванькова, штурман...

«Щука» всплыла на поверхность. Море штормило. На мостик поднялись старший помощник командира и сигнальщик, а Славин остался в лодке. Федосов и Ваньков доложили, что готовы к работе в надстройке.

Они стояли в центральном посту возле трапа. Низкорослые и белобрысые, оба в синих замасленных комбинезонах, надетых на голое тело, они были похожи на братьев.

Славин поглядел на курносые мальчишечьи лица матросов, и сердце его сдавила тоска. Ох как не хотелось ему отправлять их навстречу опасности!

Сверху, из люка, пророкотал густой старпомовский бас:

— Море и горизонт чисты, товарищ командир! Можно выходить!

При первых звуках командирского голоса оба матроса бросили руки по швам и вытянулись. Славин объяснял им задачу, и голос его, размеренный и спокойный, ни разу не дрогнул. Закончив объяснение, спросил:

— Сумеете?

— Постараемся, товарищ командир,— ответил Федосов и улыбнулся.

А Ваньков только согласно кивнул головой.

— И вот ещё что,— сурово произнёс Славин и умолк на секунду, словно запнулся.— Если немецкие катера или самолёты наскочат, мы погрузимся.

— Есть! — сказал Федосов.

— Есть! — как эхо, отозвался Ваньков.

— Что есть?! Без вас погрузимся, понятно? — спросил Славин, пристально вглядываясь в их лица. И ещё раз повторил: — Без вас.

— Ясно. А как же иначе? — просто сказал Федосов.

А Ваньков ничего не сказал, опять кивнул.

Славин немного помолчал.

— Что ж, тогда идите...

Забравшееся в зенит солнце ярко светило сквозь огромную прореху в тучах. Лодку сильно качало, швыряя с борта на борт. Разбрызгивая шипучую пену, волны с грохотом прокатывались по надстройке.

Федосов и Ваньков спустились на палубу. Выждав момент, когда схлынет волна, бросились на корму. Валерка вскрикнул от ударившего в сердце страха. Поднявшийся над лодкой вал рухнул на палубу и с рёвом устремился на людей. Но вот волна опала — матросы остались на палубе, и Валерка перевёл дух.

Подняв дверцу люка в палубе, Ваньков и Федо-

сов протиснулись в узкое отверстие. Очередная волна ударила в борт «Щуки», но людей на её пути уже не было.

Все, кто находился на мостике, всматривались в небо и в горизонт, боясь пропустить врага. И все с тревогой поглядывали на четырёхугольник закрытого люка в палубе, за которым работали товарищи.

Каждый из моряков сейчас мысленно был с ними и мучился от сознания, что не может ничем помочь. А море, враждебное, разъярённое, бросало на подводную лодку за валом вал...

Когда все истомились от тревоги и напряжённого ожидания, дверца откинулась и в проёме люка показалась голова Ванькова. Матрос выбрался на палубу и побежал к мостику.

Он был уже почти у цели, когда сбоку ударила подкрававшаяся незаметно волна. На мостике закричали, но Ваньков не слышал. Волна подхватила его, сбила с ног и, накрыв с головой, поволокла по надстройке.

Испуганно вскрикнул сигнальщик. Валерка охнул и зажмурил глаза. Рядом снова закричали, но теперь уже радостно. Ваньков поднялся на ноги и, упрямо нагнув голову, бежал к мостику.

Спустя минуту он стоял перед поднявшимся на мостик командиром и сбивчиво докладывал:

— Повреждение нашли. Почти всё исправили. Работы самая малость осталась — две-то гайки всего подвинтить. А сделать ничего не можем: ни мне, ни Федосову туда не подобраться. Хоть автогенем надстройку режь.

— А где у нас автоген этот? — хмуро сказал штурман.

— Да, автогена нет, — отозвался командир и с силой потёр щёку ладонью.

— Я пролезу... Разрешите? — неожиданно для

самого себя громко произнёс Валерка, стараясь не смотреть на палубу, по которой с рокотом мчалась волна.

Славин помедлил с ответом, оценивающе поглядел на юнгу и кивнул:

— Хорошо. Иди, Рыжов...

Валерку обвязали вокруг пояса тонким линём. Свободный конец линия боцман намотал себе на руку. Спускаясь с мостика на палубу, предупредил:

— Главное — не бойся. Иди смело. Если что, я подстрахую, не отдам тебя морю.

Они благополучно пробежали по надстройке, волны миновали их. Уже спускаясь в люк, Валерка услышал отчаянный крик старшины: «Полундра!» — и затаив дыхание кубарем скатился вниз.

Над его головой загрохотало, будто промчался курьерский поезд. Под ногами, окатив до макушки, забурлило море. Оно врывалось в надстройку через шпигаты — отверстия в бортах для стока воды.

Оглушённый, ничего не различая в темноте, Валерка присел на корточки и мёртвой хваткой вцепился в какие-то выступы. От грохота, качки и звериного рыканья моря к горлу подступила тошнота. Все советы командира и Людова разом вылетели из головы, и не было, кажется, силы, которая могла бы сейчас заставить его стронуться с места.

Федосову не сразу удалось его успокоить и уговорить ползти за собой в чёрную глубину надстройки. Он тянул Валерку за руку и что-то беспрестанно говорил, но юнга не двигался с места.

— Валера!.. Что же ты?! Ну, Валера, родной, иди же! Ведь надо.

И тогда наконец Валерка пополз за ним.

В конце надстройки было ещё темнее и совсем тесно: не то что двоим — одному Валерке не повернуться. Притиснувшись спиной к борту, Федосов пропустил юнгу вперёд. Когда Валерка оказался рядом,

он сунул ему в руку гаечный ключ и, стараясь перекричать шум волн, принялся объяснять:

— Проползёшь немного вперёд и упрёшься в перекладину. Только, гляди, не убейся, осторожно ползи. Привод руля будет как раз слева над головой. На нём гайка свернулась, так ты её прикрути. И вторую погляди для страховки — как она. Вот и все дела. Понял?

Валерка хотел ответить по-матросски: «Есть!» — но в эту секунду волна залила надстройку, и он едва не захлебнулся.

Федосов суетливо возился рядом и испуганным голосом давал какие-то советы, пока Валерка чихал, кашлял и отплёвывался.

— Ты голову повыше держи, — жалостливо говорил Федосов. — Перед тем как волне ударить, глотни воздуха, будто ныряешь. Я тебе командовать стану. Крикну: «Дыши!» — значит, и заглатывай его, воздух. Ну иди, браток. Нельзя нам задерживаться... Иди, пожалуйста. Очень тебя прошу, иди...

Вокруг беспрерывно ревело, стучало, грохотало, и Валерке казалось, что он лежит в запаянной железной бочке, которая катится по камням с высоченной горы.

Зажмурив глаза, он протискивался вперёд, утюжа животом мокрое железо. Море захлёстывало его, било головой и плечами о металл, а он всё полз и полз вперёд.

Добравшись до перекладины и набив об неё шишку, радостно завопил:

— Есть перекладина! Вот она!

— Привод ищи! Привод! — подсказывал из-за спины Федосов и нетерпеливо допытывался: — Как, нашёл? А?.. Нашёл?..

Валерка с трудом перевернулся и лёг на спину. Гаечный ключ, чтобы не потерять, засунул за ремень. Ощупывая перекладину, он продвинулся чуть вперёд,

и тут руки сами наткнулись на привод руля. Ага, вот и разболтавшаяся гайка! Он крикнул об этом Федосову, и тот в ответ радостно запричитал:

— Молодец, Валерка! Молодчина, юнга!.. Крути её, проклятую! Закручивай, друг!

Валерка вытащил из-за пояса гаечный ключ и принялся на ощупь закручивать ослабшую гайку.

Он ничего не видел в кромешной тьме, ключ был тяжёл для него, всё время срывался и бил по пальцам. А тут ещё качка, грохот, вой ветра и волны, заливающие надстройку. Он едва успевал выполнять команды Федосова и вместе с затхлым воздухом, пропахшим соляром, всякий раз заглатывал изрядные порции горькой балтийской воды.

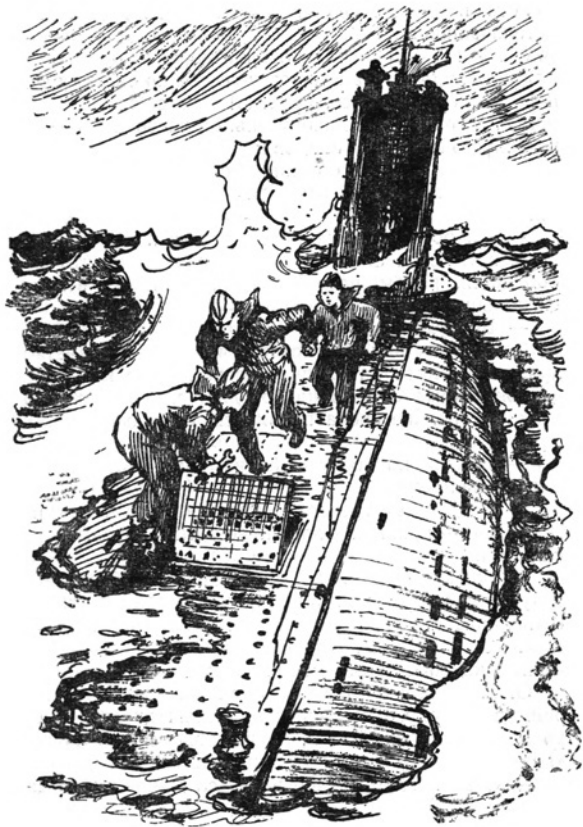
Гайка повернулась на два оборота и дальше не пошла. Тогда Валерка упёрся ногами в борт, повис всей тяжестью на ключе и стал что есть силы его дёргать. Но гайка ни с места.

Силы совсем оставили его. Он ткнулся затылком в палубу, раскинул затёкшие, побитые руки и оцепенел. Ключ выскользнул из расцепленных пальцев и со звоном покатился куда-то вниз.

Этот звон отрезвил Валерку. Он перевернулся на живот и, шаря вокруг себя сбитыми в кровь пальцами, принялся разыскивать ключ. А когда нашёл его, опять вернулся к проклятой гайке. Отступить он уже не мог — гайка сейчас была как враг, как фашист, и он должен был во что бы то ни стало её победить. Налегая на гаечный ключ, он кричал что-то злое, очень обидное, а кому — и сам не знал.

Федосов испуганно допытывался: «Что случилось, Валера? В чём дело?» — но Валерка не отвечал ему — всё нажимал и нажимал на гаечный ключ...

Время тянулось мучительно медленно. Иногда Слаvinу казалось, что оно просто остановилось. Сквозь грохот волн из надстройки доносился лязг

Они благополучно пробежали по надстройке.

железа. Там — Федосов и Валерка. Только бы не налетели фашисты!

Славин смотрел на небо, на море, на кормовую надстройку, а в усталом мозгу тревожно билось одно и то же: «Ну быстрее, ребята! Быстрее!..» Переживаясь грудью через поручень, он часто спрашивал у стоящего на палубе Людова:

— Как у них там, боцман? Скоро?

Приставив ладони рупором ко рту, старшина отвечал:

— Скоро. Совсем немного осталось...

И вот, когда Славин уже почти поверил, что всё обойдётся, рядом раздался пронзительный вскрик сигнальщика:

— Воздух!

Возникшая над горизонтом чёрная точка чётко проектировалась на бледно-палевом фоне неба. На миг она скрылась в свинцовой дымке, повисшей над морем, и тут же снова появилась, быстро вырастая в размерах.

— Справа по борту ещё два самолёта! — доложил сигнальщик.

— Воздушная тревога! Приготовиться к открытию огня! — крикнул Славин, не делая пауз между словами.

Из люка выскочили комендоры и бросились к пушкам. Старшина Зинин, припав к прицелу «максима», разворачивал пулемёт навстречу самолётам.

«Мессершмитты», — определил Славин по укороченным крыльям и хищным рыбьим носам самолётов.

Они летели над водой, лениво покачиваясь из стороны в сторону. Сквозь гул лодочных дизелей прорвался их злобный вой, и по воде вдоль борта «Щуки» протянулась частая линейка фонтанчиков.

— Огонь! Полный вперёд! — скомандовал Славин.

Он управлял лодкой с помощью двигателей, уве-

личивая или уменьшая ход то одного, то другого ди-зеля.

Сотрясая воздух, били пушки и строчил «максим». Над мостиком лодки с рёвом пронеслись две тени. Зинин развернул пулемёт и ударил по заходящему с кормы самолёту. Тот не выдержал огня, взмыл свечой и отвернул в сторону.

«Один... второй...— считал самолёты Славин.— Где же третий?» И вдруг увидел его. «Мессершмитт» заходил с левого борта. Вернее, не заходил — коршуном падал на лодку с высоты.

— Самолёт слева! — предупредил Славин.

Поворачивать было поздно. Ещё две-три секунды, и фашист сбросит бомбы на палубу лодки. Славин не знал, услышали ли его комендоры, или же сами заметили, но перед самолётом встала сплошная стена огня. «Мессершмитт» поднял нос вверх, и в этот момент в его жёлтое брюхо впились два снаряда. Истребитель вздрогнул, свалился на крыло и, пачкая небо густым чёрным дымом, обрушился в море.

Пилоты двух оставшихся «мессершмиттов» словно взбесились. Истребители делали один заход за другим, осыпая подводную лодку пулями и снарядами. Один из осколков ранил старпома, другой поразил подносчика у пушки. Уклоняясь от хлещущих с неба огненных струй, Славин поворачивал лодку то вправо, то влево, стопорил машины или давал самый полный ход.

У борта раздался оглушительный взрыв. Лодка дёрнулась, резко накренилась и по самую рубку зарылась в набежавшую волну. Истребители снизились почти до самой воды. Пушки били им навстречу без перерыва, пулемёт заходился дробным захлёбывающимся грохотом.

Завывая моторами, самолёты с чёрно-белыми крестами проносились над лодкой. Возвращались снова и, встреченные меткими залпами, опять отво-

рачивали в сторону. Они вились вокруг раненого корабля, выбирая миг, чтобы нанести смертельный удар.

Палубу «Щуки» прошли сверкнувшие молниями огненные строчки. С треском разлетелось ветровое стекло в ограждении рубки. Рядом со Славиным кто-то охнул. Штурман, протянув руку к горизонту, закричал:

— Ещё самолёты!.. Бомбардировщики!..

«Это конец!» — решил Славин. Глаза в мгновение вобрали в себя покрытое тучами небо, море, спокойно катившее зелёные волны, кормовую надстройку с открытым люком... И такая его тоска тут взяла. И ярость. Он смотрел на стремительно приближающиеся самолёты и выкрикивал им проклятия.

Кто-то тронул его за рукав. Он обернулся. Перед ним стояли Федосов и юнга. Лицо трюмного было искажено болью, по рукам, прижатым к груди, текла кровь.

— Мы всё сделали... Всё... — доложил он слабеющим голосом и начал опускаться на палубу.

Славин подхватил его и, поддерживая под руки, закричал что было голосу:

— Срочное погружение!..

КЛЯТВА БАЛТИЙЦЕВ

Петляя и часто меняя скорости, Славин уводил «Щуку» в открытое море. Там, на больших глубинах, простор для маневрирования.

Преследователи — самолёты и противолодочные катера-охотники вертелись где-то поблизости. Часто гремели взрывы глубинных бомб. Временами они сливались в раздирающий барабанные перепонки гром. Каждый взрыв — резкий толчок. Подводная лодка то клевала носом, то неудержимо рвалась к по-

верхности. С подволока и бортов летела пробковая изоляция, лопались и гасли лампы. Боцман, управлявший горизонтальными рулями, с трудом удерживал назначенную глубину погружения.

Постепенно грохот разрывов отдалился. Когда он совсем пропал, командир взглянул на карту и приказал ложиться на грунт.

«Щука» опустила низко нос и начала погружаться, медленно набирая глубину. Глухо постукивал эхолот, монотонно докладывал боцман:

— Глубина сорок метров... Сорок пять... Глубина пятьдесят...

Мягкий толчок, чуть слышный шелест песка под килем, и лодка, немного накренившись, улеглась на покрытое илом морское дно, как на перину. Ни звука не доносилось сюда с поверхности беспокойного моря.

В отсеках подводники принялись за ремонт повреждённых в бою механизмов.

— К пяти утра, и ни минутой позже, все приборы и механизмы должны быть в строю! — строго приказал командир.

Офицерская кают-компания временно превратилась в лазарет. Военфельдшер и старшина Зинин — по боевому расписанию он ещё и санитарный инструктор — оказывали помощь раненым. В отсеке стоял пронзительный запах йодоформа.

Раненых было трое: трюмный Костя Федосов с простреленной грудью, старпом — у него пуля насквозь пробила мякоть руки — и Потапенко, которому осколок, словно бритвой, срезал палец на левой руке. Свою рану фельдшер в счёт не принимал — шальная пуля на излёте рассекла ему кожу на лбу, оставив неглубокий кровоточающий след.

Потапенко баюкал забинтованную руку и кривил губы:

— Не беда, хай ему грец, пушку заряжать ещё сумею.

Федосов лежал на диване. Его заострившееся лицо побелело, грудь тяжело вздымалась и опадала. Он с усилием приподнялся на локтях, хотел что-то сказать и сразу зашёлся кашлем. Руки подломились под ним, и он опустился на спину, неестественно запрокинув голову.

— Кончился, — тихо произнёс фельдшер.

Валерка заплакал. Старшина Людов обнял его за плечи.

— Не плачь... — задыхаясь, шептал он, а у самого по лицу текли слёзы.

Люди в отсеке стояли вплотную друг к другу.

— Мы отомстим за тебя, Костя, — тихо проговорил Людов. — Клянёмся тебе, матрос!..

— Клянёмся! — повторяли за боцманом моряки, и их голоса, скорбные и гневные, сливались под сводами отсека.

— Клянёмся! — вместе со всеми произнёс Валерка. Его душили слёзы. Он не мог больше смотреть на застывшее лицо друга...

Подводная лодка всплыла на поверхность. Холодный северный ветер рвал пену с гребней волн и бросал людям в лицо. Серые, под цвет воды тучи закрывали всё небо. То принимался лить, то ненадолго переставал мелкий густой дождик.

На палубу поднялись командир и четверо матросов. Все остальные несли вахту на боевых постах. На плечах у матросов зашитое в брезент тело Кости Федосова. Поверх брезента лежал военно-морской флаг, на нём — бескозырка. Ветер теребил, рвал углы флага, завивал в кольца ленточки бескозырки. Со стороны берега прилетели две чайки. Едва не задевая крыльями гребни волн, они с пронзительными криками носились над морем.

Зорко оглядывали горизонт сигнальщики и вахтенный офицер: в любую минуту мог появиться про-

тивник. У носовой пушки безмолвно замерли комендоры — приготовились к салюту погибшему другу. Тут был и Потапенко с рукой на перевязи.

— Пусти-ка, хлопчик! — строго сказал он молодому матросу и занял своё место у пушки.

Славин начал говорить. Он сказал о том, как молод был Костя Федосов, о том, сколько доброго мог бы сделать он людям, если бы враги не оборвали его жизнь.

— Прощай, балтиец... Прощай, друг! — громко произнёс Славин и приложил руку к пилотке.

Глухо всплеснуло море, приняв тело матроса. Командир повернулся к артиллеристам и поднял над головой руку:

— К салюту!..

Но в этот миг сигнальщик закричал:

— Корабли противника на горизонте!

— Отставить орудийный залп! — скомандовал Славин. — Мы отсальтуем торпедами по врагу!

ВО ВРАЖЕСКОМ ФИОРДЕ

Шли дни. «Щука» по-прежнему бороздила море. Неторопливые стрелки лага показывали уже не одну сотню миль, перемолотых винтами подводной лодки.

Днём плавали под перископом, высматривая врага, ночами, потемней, всплывали на поверхность, чтобы зарядить аккумуляторную батарею, проветрить отсеки и обменяться коротенькими радиogramмами со штабом.

На корабле установилась какая-то особенная атмосфера дружного, никогда не унывающего товарищества. Тон задавал командир. Славин был доволен и своими боевыми друзьями, и кораблём, и результатами похода. Потопленные торпедами гитлеровские транспорты, подводная лодка со свастикой,

шхуна-ловушка и сбитый в бою «мессершмитт» — разве это не удача?

Конечно, досталось крепко и подводникам — в боевом походе не без этого. После каждой успешной атаки «Щуку» преследовали и жестоко бомбили противолодочные корабли. Разыскивая дерзкую советскую подлодку, самолёты с чёрными крестами на крыльях носились над самой водой, сбрасывая бомбы и поливая море из крупнокалиберных пулемётов и пушек.

Однажды фашистский эсминец чуть не протаранил «Щуку», когда она, выпустив торпеды, неожиданно всплыла поблизости от него. Только слишком близкое расстояние не позволило ему вовремя развернуться и нанести лодке смертельный удар своим острым, как нож, форштевнем.

Но если бы гитлеровские глубинные бомбы разорвались ближе, а самолёты стреляли точнее, если бы эсминец смог развернуться вовремя, если бы... Впрочем, к чему все эти «если бы»! Их было много, и подводники старались не думать о них. С того памятного дня, когда фашистские «мессершмитты» и «юнкеры» едва не разбомбили «Щуку», для славинцев всё складывалось благоприятно. Вражеские корабли появлялись из-за горизонта там, где их ожидали, и торпеды «Щуки» били без промаха.

Так было. Но с позавчерашнего дня поток гитлеровских кораблей иссяк. Славин ждал их вчера, всю ночь и весь день сегодня, однако на горизонте не показалось ни одного дымка. Оживлённая трасса, по которой ещё недавно сновали в разные стороны десятки вражеских судов, опустела.

Поход затягивался. Если бы не торпеды, оставшиеся в кормовых аппаратах, «Щука» уже шла бы к родным берегам. Тем более, что этого требовала и радиограмма командующего, полученная накануне. Она заканчивалась такими словами: «Вы пере-

крыли все нормы пребывания в море. Рекомендую возвратиться в базу...»

Славин зачитал радиogramму в кают-компании, помолчал немного и спросил чуть насмешливо:

— Что скажете, отцы-командиры?

— «Рекомендую» — это ещё не «приказываю»! — горячо воскликнул штурман.

— Мда-а, в этой короткой фразе есть простор для манёвра, — лукаво улыбнулся старпом и поправил бинт, охватывающий чалмой его голову.

— Фашисты под боком, не везти же оставшиеся торпеды в базу, — сердито проговорил Ермилов.

— Боишься прокиснут? — серьёзно спросил механик.

Все засмеялись, а Славин укоризненно поглядел на механика и спросил:

— Ваше мнение?

Механик ответил:

— В плавании по морю должно повиноваться кормчему — так когда-то сказал мудрейший из мудрых Пифагор, — и хитровато сощурился. — Однако, сдаётся мне, вы и без нас уже всё решили, товарищ командир?

Славин с улыбкой подтвердил:

— Каюсь — грешен. Вот, глядите...

Все обступили склонившегося над картой командира. Славин неторопливо объяснил свой план.

— Однако рискованно, — покачал головой механик.

— Рискованно, — согласился Славин. — Но в нашем деле без риска никак нельзя.

— А по-моему, риск оправдан, — сказал старпом. — Фашисты не будут ожидать нас в собственном доме...

— А неожиданность — половина победы, — добавил штурман, глядя влюблёнными глазами на командира.

— Ну, коли так — по местам! — приказал Славин. — Вы свободны, товарищи. Объясните задачу своим подчинённым.

После ухода командиров боевых частей он ещё несколько минут стоял в задумчивости над столом: водил по карте тупой стороной карандаша, прослеживая предполагаемый путь лодки; что-то подсчитывал, строя колонки цифр в своём пухлом блокноте; шелестел страницами лоции и морского астрономического ежегодника. Закончив работу, свернул карту в трубку, сунул блокнот в карман и подошёл к переговорной трубе. Говорил он негромко и очень просто:

— Товарищи, мы идём к берегу. Будем прорываться во вражеское логово. От каждого из нас требуется одно: воля, решительность и точное выполнение приказов. Пусть война теперь войдёт в их дом!..

К вражеской гавани «Щука» подходила глубокой ночью. Впереди по курсу смутно темнела громада берега. Над иссиня-чёрной водой белыми искорками мелькали неугомонные чайки.

Славин немного развернул перископ по горизонту и удовлетворённо хмыкнул. Штурман точно привёл подводную лодку к цели. На фоне гористого берега отчётливо выделялось небольшое светлое пятнышко — остров у входа в залив. Вооружённый дальнобойными артиллерийскими батареями, он, как верный сторожевой пёс, охранял фашистскую гавань.

Командир подводной лодки долго вглядывался в темноту, рассматривал остров, раздумывал, как и с какой стороны к нему лучше всего подступить. Приняв, наконец, решение, вздохнул и устало провёл ладонью по волосам.

Его одолевали тревожные мысли. «Всё ли предусмотрено? Не закралась ли в расчёты ошибка?..» Он повторял в уме всё, что должен был сделать с рассве-

том. Опыт подсказывал: всего заранее не предусмотреть, и тем не менее он старался оградить себя от случайностей и досадных упущений перед завтрашним боем.

Залив, куда предстояло прорываться «Щуке», напоминал очертаниями изогнутую кишку, чуть расширяющуюся к концу. Славин изучил залив в мельчайших подробностях и, кажется, мог ориентироваться в нём не хуже, чем в собственной квартире. Закрывая глаза, он мысленно представлял себе бахромю берега, десятки мысов, большие и малые бухточки, разнообразие приметных знаков и построек, разбросанных вдоль побережья. Разбуди его ночью, он без запинки назовёт глубину на третьем повороте от входа в залив или цвет бакена в устье речушки с длинным замысловатым названием.

Он верил в себя, в товарищей, в корабль, а на душе всё же было тревожно.

Славин подозревал юнгу, велел сбегать в гидроакустическую рубку предупредить старшину акустиков, чтобы тот был начеку. Валерка мигом выполнил приказание, но надолго застрял возле гидроакустика.

Рубка была заполнена прерывистыми шорохами, тоненьким с присвистом шипением и звонкими ритмичными ударами, словно били огромные часы.

Худенький, узкоплечий старшина ссутулился на вертящемся стуле. Он слушал море. Сейчас оно было спокойно, и каждые пять минут старшина докладывал в центральный пост:

— Горизонт чист!..

Но вот старшина замер, осторожным движением, словно боясь кого-то вспугнуть, чуть повернул рукоятки. Рядом со складкой на лбу появилась вторая. Он приник губами к переговорной трубе и, чеканя слова, доложил:

— В центральном! Слышу шум винтов сторожевика справа по курсу...

Немного помолчал, прислушался, полузакрыв глаза, и добавил:

— И со стороны кормы тоже слышу шум... Пока очень слабый, но он приближается. Это... это транспорт!

«Видимо, сторожевик болтается в дозоре у острова, а транспорт идёт в порт,— решил Славин. И тут в голову ему пришла дерзкая мысль.— А что, если?..»

Он наклонился к переговорной трубе:

— В рубке, как идёт транспорт?

— Следует прямым курсом. Транспорт большой, очень быстро приближается,— тотчас откликнулся гидроакустик.

Славин развернул перископ, но, сколько ни всматривался, ничего не обнаружил — ночная мгла и дождь закрыли море непроницаемым пологом.

— Транспорт уже близко. Идёт на нас,— снова доложил гидроакустик.

Только сейчас Славин увидел, наконец, тёмное расплывчатое пятно. Он показал рукой, чтобы опустили перископ, и скомандовал:

— Право руля! Боцман, ныряй на глубину двадцать метров!

Встретившись с недоуменным взглядом старшего помощника, объяснил:

— Попробуем зацепиться за этого фрица. Он идёт в гавань, вот и пусть покажет нам путь в свою берлогу.

Матросский «беспроволочный телеграф» быстро разнёс по отсекам весть о намерении командира. Кто-то пошутил:

— Поводырь что надо, с дороги не собьётся...

Замысел Славина удался. Пристроившись под водой за кормой транспорта, «Щука» незаметно проскользнула мимо сторожевика, миновала ошестинившийся пушками укреплённый остров и беспрепятственно вошла в залив.

Гидроакустик бдительно следил за транспортом. Стоило тому сбавить или увеличить ход, начать поворот вправо или влево, как «Щука» послушно повторяла все движения немецкого судна. Так они и шли мило за милей, и казалось, что подводная лодка связана с транспортом прочными незримыми нитями.

Несколько раз «Щука» и её «поводырь» разминутись со встречными кораблями. Те проходили рядом, однако не слышали шума лодки — его заглушал мощный гул гребных винтов транспорта.

Но на полпути до вражеского порта «поводырь» неожиданно «забастовал» — свернул к берегу, и подводники услышали, как загремела цепь брошенного им якоря.

— Вот сукин сын! Не мог ещё немного пройти! — выругался командир.

«Щука» всплыла на перископную глубину. Славин поднял перископ и осмотрелся.

Светало. Подводная лодка шла узким извилистым проходом. Справа и слева медленно проплывал враждебно затаившийся берег. Где-то далеко, за грядой синих холмов, вспыхнул прожекторный луч, скачками пробежал по светлеющему небу и погас.

Гидроакустик взволнованно доложил:

— Прямо по курсу слышу шумы... Много шумов!

Славин приложил глаз к окуляру перископа и отрывисто сказал:

— Мы пришли, товарищи... Вот оно — их логово!

Впереди на фоне розового неба отчётливо вырисовывались дома с островерхими крышами, решётчатые переплётёты подъёмных кранов, лес корабельных мачт и труб.

От обилия целей разбегались глаза, и Славин пожалел в эту минуту, что у него осталось всего лишь две торпеды. Объекты для атаки он выбирал придирчиво: хотелось ударить наверняка, и так, чтобы нанести фашистам возможно больший урон.

«Пожалуй, вот эти два. Заполыхают они, а от них и соседи займутся»,— решил Славин, разглядывая два крупных транспорта, стоявших у причала в самой корабельной гуще.

Транспорты грузились. Их палубы были заполнены людьми, над открытыми трюмами непрерывно двигались стрелы подъёмных кранов, к судам по причалу то и дело подкатывали грузовики. В перископ был хорошо виден человек в белом фартуке, поднимающийся на мостик ближнего к лодке транспорта. Вытянув перед собой руки, он, как драгоценность, нёс блюдо, прикрытое белоснежной салфеткой.

«Завтрак для господина капитана,— усмехнулся Славин.— Сейчас мы его попотчуем другим горяченьким блюдом!»

Он тщательно прицелился...

— Залп!

Немного развернул подводную лодку. Перекрестье прицела совпало с мостиком второго транспорта.

— Залп!

Торпеды вырвались из аппаратов. Они уже мчались к цели, а на поверхности моря было всё ещё спокойно. Разве могло прийти в голову немцам, которые деловито суетились на палубах и мостиках судов, на причалах и набережных, что здесь рядом, в их собственном порту, советская подводная лодка нанесёт им смертельный удар!..

А в это время в звенящей тишине центрального поста «Щуки» охрипший от волнения штурман Перовский отсчитывал секунды:

— ...восемь... девять... десять...

В нетерпеливом ожидании застыли лица подводников, и только губы беззвучно повторяли:

— ...семнадцать... восемнадцать...

Когда Перовский сказал «двадцать девять», лодка вздрогнула от грохота взрыва. Следом за ним, почти одновременно, раздался второй взрыв.

Славин поднял перископ. Обычная сдержанность покинула его, и, не скрывая радости, он закричал:
— Горят! Оба горят, проклятые! Как свечи!..

ПОКА БЬЁТСЯ СЕРДЦЕ

Внезапный удар ошеломил гитлеровцев, но Славин знал — тишина недолговечна: с минуты на минуту враг опомнится и сделает всё, чтобы не дать подводной лодке вырваться из каменного мешка. Вот почему, не жалея энергии аккумуляторной батареи, он на полной подводной скорости уводил «Щуку» к выходу из залива.

Но не прошло и десяти минут, как за кормой лодки возникли знакомые звуки — словно кто-то шлёпал доской плашмя по воде.

Гидроакустик доложил:

— Нас преследуют катера! Их шесть... Быстро приближаются!

В отсеках отчётливо слышались свист и пыхтение машин, шлепки будоражащих воду винтов.

Не доходя до лодки, катера разошлись двумя тройками вправо и влево. Они обнаружили подводную лодку и теперь шли где-то близко, то отставая, то опережая «Щуку». Гидроакустик непрерывно докладывал командиру об их манёврах.

Валерка сидел в центральном посту возле гирокомпаса. Отсюда было видно всё, что происходило в отсеке. Вот командир взмахнул рукой, и рулевой поспешно переложил руль вправо. Ещё взмах руки — звякнули машинные телеграфы, и вслед за отрывистой командой трюмные машинисты кинулись открывать клапаны на станции погружения и всплытия.

Катера, метавшиеся вокруг лодки, отстали. Их шумы всё ещё были слышны в отсеках, но звучали глуше, а временами и совсем пропадали. Где-то вда-

леке за кормой гроыхнул взрыв глубинной бомбы. Спустя миг ударил второй, а потом — пошло и пошло. Взрывы грохотали один за другим почти без перерыва, сливаясь в неразрывный рокочущий гром. Но они были далеко.

— Оказывается, вот где фрицы нашли нас,— иронически проговорил штурман Перовский.

— Надо же будет держать ответ перед своими фюрерами, вот и шумят,— усмехнулся старший помощник.— Небось завтра по радио и в своих брехливых газетах объявят...

Он не успел закончить фразу. Его голос заглушил страшный скрежет. Подводная лодка вздрогнула и затряслась, будто наткнулась на препятствие. Мощный толчок сбил многих с ног. Отсеки погрузились в темноту. Нос «Щуки» стремительно проваливался вниз. Кто-то закричал:

— Врезались в противолодочную сеть!

Славин заглушил тревожный выкрик словами приказа:

— Самый полный назад! Дать воздух высокого давления в носовые цистерны! Включить аварийное освещение!

Ещё не успели заглухнуть отзвуки командирского голоса, а уже натужно взвыли моторы, зашипел сжатый воздух, вытесняющий воду из носовых цистерн, и вспыхнули лампочки аварийного освещения отсеков.

Но подводная лодка не сдвинулась с места, лишь наклонилась в противоположную сторону, как коромысло весов.

Командир бросал «Щуку» то вперёд, то назад. Электромоторы выли как бешеные, палуба дрожала под ногами мелкой непроходящей дрожью, стёкла звенели и засыпали палубу градом осколков. Однако металлическая сеть была прочна и не выпускала добычу.

Пытаясь раскачать лодку и её тяжестью разорвать сеть, Славин приказывал перекачивать водяной балласт то в носовые, то в кормовые цистерны. Но не помогло и это — «Щука» крепко застряла в сети.

Из гидроакустической рубки доложили:

— Катера возвращаются! Они подходят... Вот они!

Грохот глубинных бомб обрушился на подводную лодку. Они разрывались совсем рядом. Казалось, грохочут уже не бомбы — бушует само взбесившееся море. От каждого близкого удара корпус «Щуки» содрогался и гремел.

У Славина родился новый план освобождения из сети. План рискованный, маловыполнимый. Если и он не удастся, останется одно — самим подорвать лодку. Славин повернулся к механику и, стараясь перекрычать грохот, скомандовал:

— Принимайте воду в кормовые цистерны! Самый полный ход назад! Самый полный!

Часто дёргаясь, палуба перекосилась. Стоять на ней было уже невозможно.

— Дифферент на пределе,— тревожно доложил инженер-механик и, не сдержавшись, закричал: — Нельзя больше принимать балласт. Нельзя! Понимаете...

Славин резко повернулся. У него были белые от гнева глаза.

— Выполняйте приказ!

Палуба уже стояла торчком. Ещё миг — лодка опрокинется, многотонные дизели и электромоторы сорвутся с фундаментов и поползут по отсекам, сокрушая всё на своём пути...

Когда электрики сообщили, что электролит переливается через края аккумуляторных баков, Славин решил отменить свой приказ. Но в ту же секунду лодка застонала, как живое существо, дёрнулась и ста-

ла раскачиваться из стороны в сторону. Палуба медленно выпрямилась.

— Вырвались...— неуверенно прошептал штурман и протянул руку к глубиномеру, стрелка которого быстро бежала по кругу.

Лодка всплывала. Славин приказал дать задний ход и отвёл «Щуку» от сети. Подводники облегчённо вздохнули. Однако их испытания ещё не закончились. Надо было выбраться из залива-ловушки. А это не так-то просто: дорогу в открытое море преграждали по-прежнему противолодочная сеть и катера врага.

Немецкие катера затаились. Они приглушили моторы и почему-то больше не сбрасывали бомбы. То ли считали «Щуку» потопленной, то ли ожидали, когда советские подводники, истощив запас отпущенного смертным мужества и физических сил, всплывут на поверхность, чтобы сдаться на милость победителей и тем спасти свои жизни.

В те минуты Славин не задумывался, почему бездействует враг. Он искал выход из западни.

Казалось, паучья сеть повсюду. Подводная лодка крадучись отходила то к одному, то к другому берегу, всплывала к самой поверхности, погружалась на глубину, пытаясь проползти на брюхе по дну под проклятой сетью, но везде натывалась на её стальные ячейки.

Дышать в отсеках стало не вмоготу: лёгкие не принимали воздух, пропитанный парами соляра, масла и едкого человеческого пота. Бомбёжки сделали своё дело: через выбитые заклёпки и разошедшиеся швы обшивки прочного корпуса в отсеки медленно просачивалась вода.

И тогда Славин решился на крайнюю меру. Он вызвал командиров боевых частей в центральный пост и изложил свой план:

— Под водой через сеть не прорваться. Выход

один — пройти над ней в надводном положении. Фашисты нас, конечно, обнаружат, но, пока они опомнятся, мы должны уже уйти далеко. Наше спасение только в быстроте и неожиданности. Ясно?

— Есть! — отчеканил старпом.

— А вам, — командир повернулся к штурману, — находиться в центральном посту. Свяжите несколько ручных гранат и встаньте у артиллерийского погреба. Драться будем до последнего... Пока бьётся сердце.

— Сейчас время идёт к сумеркам, можно попытаться проскочить у самого берега в тени скал, — предложил штурман. — Может, и не заметят.

— Толково, — похвалил командир. — Учту...

Дальше всё происходило с ошеломляющей быстротой.

«Щука» всплыла. Славин обвёл перископом по кругу, скомандовал:

— Продувать цистерны! Комендоры, за мной! — и бросился к рубочному люку.

Фашисты рано торжествовали победу, и это помешало им увидеть, как «Щука» безмолвной тенью проскользнула над сетью у самого берега и вдруг исчезла, словно растаяла в надвигающихся сумерках...

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Чужой берег остался далеко позади. Ровной белой полосой ложились за кормой пройденные мили. Привычный распорядок корабельной жизни вступил в свои права.

В тщательно прибранных отсеках сверкала нагретая до золотого сияния медь и торжественно поблёскивали стёкла приборов. Матросы и старшины брились, приводили в порядок обмундирование, писали письма, вспоминали пережитое. А в ушах у всех

неумолчно звучал весёлый речитатив дизелей: «И-дём до-мой!.. И-дём до-мой!» Каждый оборот винта — шаг к родной земле.

Родная земля!.. Есть ли слова дороже этих для моряка, возвращающегося из долгого плавания?! Это о ней, о земле Родины, все его думы во время бесконечных вахт. О ней вспоминает он и в трудные и в радостные минуты нелёгкой моряцкой службы. С её именем идёт неустрашимо на смертный бой с врагами...

С каждым часом, что приближал «Шуку» к базе, в отсеках нарастало нетерпение. Мотористов то и дело осаждали просьбами «чутко подшуровать» — прибавить дизелям оборотов. Выдумывались любые предлоги, чтобы хоть на минутку подняться на мостик. Каждый мечтал — авось повезёт и он первым выкрикнет: «Вот он — наш берег!» Но вахтенный офицер, выполняя приказ командира, был неумолим: «На мостике быть только сигнальщикам и рулевому!» Все с завистью поглядывали на счастливых и напутствовали их строжайшим наказом «глядеть в оба».

Валерка и минутки не мог усидеть на месте. Нетерпение гнало его из отсека в отсек. Он и сам истомился от ожидания, и другим надоел одними и теми же вопросами: «Когда же? Скоро ли берег? Сколько миль до него?»

Матросы отшучивались, а штурман, которому от юнги доставалось больше всех, в конце концов поднял руки и жалобно попросил:

— Сдаюсь! Пощади, юнга! Это же твой триста двадцать пятый вопрос. Пожалей!

Валерка смущённо улыбался и отходил, но через несколько минут вновь тормозил лейтенанта:

— Когда же?.. Скоро ли?..

И командиру он досаждал не меньше, чем другим. Славин добродушно засмеялся:

— Ох и нудный же ты мужчина, товарищ подводный заяц! Хотя бы пластинку сменил, что ли, а то всё одно и то же: «Когда?..», «Скоро ли?..» — передразнил он Валерку и махнул рукой: — Ладно уж, ступай на мостик и сам высматривай берег...

Наверху жарко палило солнце, в голубом небе от горизонта к горизонту ни облачка. Метрах в двухстах впереди «Щуки» шёл небольшой корабль — тральщик. Он важно, по-утиному, покачивался с борта на борт. За его кормой, уходя в воду, тянулись тонкие тросы.

— Идём за тралами. Охраняет нас от мин,— кивнул головой на тральщик боцман Людов и объяснил: — Ещё на рассвете с ним встретились.

С мостика тральщика замахали флажками. Наморщив лоб, Валерка медленно прочитал:

— Через минуту курс двести пятьдесят градусов.

— Правильно,— подтвердил Людов.

Ровно через минуту вахтенный офицер отдал приказ:

— Лево на борт! Ложиться на курс двести пятьдесят!..

Берег должен был вот-вот показаться. Уже и чайки во множестве закружили над лодкой, и сгладились гребни волн, и ноздри щекотал непередаваемый аромат близкой земли, который моряк отличит от сотен других запахов.

На «Щуке» долго потом спорили о том, кто первым крикнул: «Земля!» Одни говорили: «Юнга Рыжов», другие — «Сигнальщик Рокотов», а лейтенант Ермилов, стоявший в тот час вахту, утверждал: «Оба закричали разом, да так громко, что распугали всех чаек».

Командир разрешил всем свободным от вахты выход на верхнюю палубу. Подводники, счастливые и торжественные, толпились на мостике и на пущечных площадках — барбетах. Все взоры были обращё-

ны к горизонту, из-за которого навстречу кораблю медленно выплывал берег.

Из моря поднялся Толбухин маяк. Уже были видны: луковица — купол Морского собора, скопление заводских труб, кранов, мачт. Море выплеснуло на свою сверкающую поверхность россыпь домов, зелень деревьев.

И вот уже форштевень «Щуки» вспорол гладь Большого кронштадтского рейда. Лодка шла мимо стоявших на якорях крейсеров и эсминцев. На их палубах застыли по команде «Смирно!» празднично одетые моряки. По ветру вились вымпелы и флаги. В волнующей тишине трубы сигнальщиков выводили торжественную мелодию «захождения» — традиционного морского приветствия.

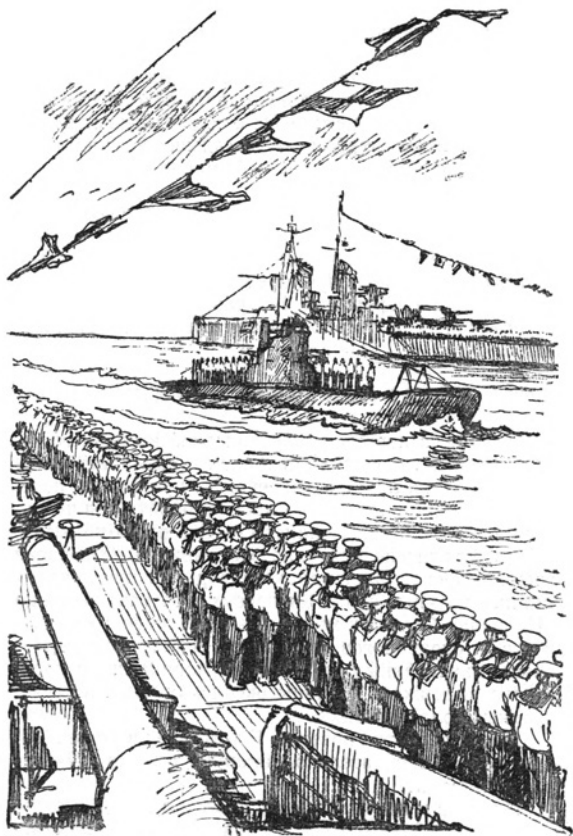
Вот и родная бухта. Сегодня тут было особенно оживлённо. На палубах подводных лодок и плавучих баз выстроились моряки. На всю бухту гремела медь духового оркестра. Вдоль длинного здания береговой казармы протянулась кумачовая лента. На ней огромными белыми буквами было написано: «Победителям слава!»

Подводная лодка плавно развернулась в тесной бухте и под гром «Встречного марша» направилась к причалу.

Уже слышался гомон толпы и приветственные крики, уже можно было рассмотреть встречавших.

Рокот воды за кормой прекратился, и лодка мягко ткнулась бортом в причал. Громко стукнула переброшенная на берег сходня. Славин скомандовал: «Смирно!» — и, печатая шаг, пошёл навстречу командующему. В наступившей тишине отчётливо звучали слова рапорта. Адмирал ответил коротким: «Благодарю за службу!» — и вместе с командиром направился вдоль шеренги подводников.

Командующий пожимал морякам руки, расспрашивал о походе. С его лица не сходила улыбка. Возле

Подводная лодка под гром «Встречного марша» направилась к причалу.

Валерки он остановился, обернувшись к Славину, спросил:

— Вот этот шпингалет и есть ваш знаменитый подводный заяц? — и, не дожидаясь ответа, шутливо погрозил юнге пальцем: — Ох и задал ты нам задачу, негодник. Всем штабом её разгадывали: судили-рядили, что с тобой делать. — Адмирал засмеялся. — Впрочем, победителей не судят.

Он положил руки на плечи Валерки и посмотрел ему в глаза:

— Не передумал идти в моряки? Или теперь, может быть, иные желания появились?

— Нет, не передумал. Всё равно буду моряком, — не опуская глаз, твёрдо ответил Валерка. — Подводником буду.

ЗДРАВСТВУЙ, ОКЕАН!

В один из первых январских дней нынешнего года в дальнее океанское плавание отправлялась атомная подводная лодка «Пионер». Ей предстояло пересечь два океана, несколько морей и пройти под незримой вершиной нашей планеты — Северным полюсом.

На флагштоке подводного атомохода развевался военно-морской флаг, однако поход этот преследовал мирные, научные цели. Вот почему в составе экипажа «Пионера» было так много штатских людей: и гидрологов, и океанологов, и физиков, и астрономов. Наравне с закалёнными в шторма моряками им предстояло выдержать и удары океанских волн, и стужу ледяных полей Арктики.

Мне невероятно повезло. Я тоже шёл в поход. Это выяснилось окончательно накануне выхода «Пионера» в плавание.

Никогда и никуда я не собирался с такой быстротой. Крутые лестницы и бесконечные коридоры редакции я «брал» со скоростью, которой могли бы

позавидовать прославленные олимпийцы. К вечеру все сборы были закончены. Я вскочил в такси и, минутно умоляя водителя: «Поднажми, браток!.. Ну, поднажми, милый!..» — помчался в аэропорт к последнему самолёту, отлетающему на Север.

Мои волнения закончились лишь на пирсе соединения подводных лодок, после того как я собственными глазами увидел атомоход «Пионер».

Причал заливал яркий электрический свет, и подводная лодка сверкала в его лучах, как глыба хрусталя. Там, где за потоками света вставала темнота, угадывались смутные контуры окружавших бухту сопок. А над лодкой, морем и скалами раскинулся чёрный шатёр неба, и по нему, переливаясь, пробегали сполохи северного сияния.

В прошлом сам подводник, за годы флотской службы я перевидал много типов подводных лодок, но размеры «Пионера» поразили меня. Впрочем, не только размеры, но и его внешний вид. Удивительно стройные, обтекаемые очертания корпуса лодки невольно вызвали в памяти изящные силуэты сверхскоростных реактивных самолётов.

У трапа подводной лодки меня встретил старшина с повязкой вахтенного на рукаве. Проверив мои документы, он улыбнулся:

— Прошу! — И серьёзно добавил: — Вот только корреспондента нам и не хватало.

Пока я размышлял, чего в последней фразе больше — иронии или радости, старшина успел позвонить по телефону и снизу за мной поднялся молоденький офицер в лихо заломленной пилотке.

— Лейтенант Славин, младший штурман «Пионера», — представился он.

Я назвал себя, и мы по трапу спустились в лодку. Несмотря на поздний час, в ярко освещённых отсеках былолюдно. По-видимому, многим не спалось в ту ночь перед отплытием.

— Вот и ваша обитель,— сказал лейтенант, открывая дверь одной из кают в жилом офицерском отсеке.

Щёлкнул выключатель, и небольшую каюту залил мягкий, рассеянный свет. Он падал из скрытых в потолочных карнизах светильников.

— Располагайтесь поудобней,— пригласил лейтенант,— вам тут не мало дней жить. Сюда повесьте одежду,— показал он на встроенный в стену шкаф,— а койку выбирайте по вкусу: хотите верхнюю — занимайте. А может быть, нижнюю?

Видимо, с моего лица ещё не сошло изумление, которое я испытал, пройдя по лодке. Да ведь и не мудрено: светлые, необычайно просторные отсеки атомохода и отдалённо не напоминали тесные помещения знакомых мне подводных лодок.

— Что, поражены? — не без лукавства спросил лейтенант.

— Не то слово. Потрясён! — развёл я руками.— Это же не подводная лодка — дворец!

— Скорее, завод,— улыбнулся мой провожатый.— Думаю, вы ещё не раз и не мало чему у нас удивитесь.— Он посерьёзnel.— Когда говорят об атомных лодках, многие почему-то видят только реактор. Да, реактор — чудо века, но он лишь часть сложнейшего комплекса, обслуживающего корабль. Не считите за хвастовство, но я уверен, никто до нас не испытывал таких скоростей и не погружался на такие глубины, как мы. Пожалуй, в океанах нет такой точки, куда мы не сможем дойти, если это требуется... Да, у нас есть на что посмотреть и чему удивляться! — горячо закончил лейтенант.

— Я буду удивляться! — шутиливо заверил я.— Ей-ей, буду.

Лейтенант смущённо засмеялся.

Что-то знакомое увиделось мне в его лице, в манере говорить чёткими, законченными фразами, в его

неторопливых жестах и в гордой посадке чуть откинутой назад головы. Я спросил:

— Простите, лейтенант, ваша фамилия?..

— Славин. Пётр Сергеевич Славин.

— Не родственник ли Сергея Александровича Славина?

— Сын. Вы знакомы с отцом?

— Знаком?! — засмеялся я. — Три военных года я плавал под его флагом на «Щуке». Где он? Служит ли? — забросал я вопросами собеседника.

— Отец — контр-адмирал, командует нашим соединением, — по-военному коротко, с доброй славинской полуулыбкой ответил лейтенант.

— Он здесь?! Так скорее ведите меня к нему! — потребовал я.

Лейтенант развёл руками:

— Сейчас это невозможно: отец и командир нашей подлодки капитан второго ранга Рыжов на докладе у командующего флотом...

— Командир вашей лодки Рыжов?.. Валерий?

— Да, Валерий Алексеевич.

Лейтенант извинился и ушёл по своим делам, а я, весь во власти нахлынувших воспоминаний, долго ещё ходил по каюте, не в силах и минуты усидеть спокойно.

Время пролетело незаметно. В мою каюту постукали. Это был рассыльный.

— Вас приглашают в центральный пост, — сказал матрос, приложил ладонь к пилотке и вышел.

Я бежал через отсеки, ничего не замечая вокруг. Перед входом в центральный пост на несколько секунд остановился, чтобы перевести дух, и переступил через высокий порог...

Они стояли посредине отсека и смотрели на дверь. Видно, ожидали меня. Это было написано на их лицах.

Адмирал пошёл мне навстречу. Мы обнялись.

Затем я попал в объятия Валерия. Потом, не сговариваясь, мы разом заговорили, перебивая и не слушая друг друга.

Исподволь я рассматривал их, они разглядывали меня. Адмирал погрузнел, годы посеребрили его виски, углубили морщины. Но глаза были прежними — цепкими, мудрыми, немножко насмешливыми. Валерия — встретить он мне на улице! — я вряд ли узнал бы.

— Салажонок, родной мой, ты ли это? — только и смог я пролепетать.

Все в центральном посту — и моряки и учёные — с улыбкой наблюдали за нами. Ещё бы: три здоровенных дядьки стоят тесным кружком и, ничего не замечая вокруг, то хохочут неизвестно над чем, то грустнеют, то вдруг принимаются с жаром говорить, перебивая друг друга.

Первым опомнился Славин. Он взглянул на часы.

— Делу — время, потехе — час, друзья. Пора...

Адмирал прошёл по отсекам, прощаясь с экипажем лодки и учёными. Я и Валерий попрощались с ним на мостике. Провожавшие сошли на причал.

Матросы убрали сходню и отдали швартовы. Причал, заполненный людьми, дома посёлка на берегу, заснежённые сопки сдвинулись с места и поплыли в сторону от корабля. С каждой минутой они отходили всё дальше и дальше.

Вот уже подводная лодка пересекла линию прибрежных спокойных вод. В лицо ударил порывистый ветер. Он дул с севера, туда лежал наш путь. Берег потонул за кормой. Чайки, увязавшиеся за лодкой, отстали и повернули назад.

Валерий стоял на правом крыле мостика. Я наблюдал за ним. Ремешок его фуражки был опущен к подбородку, руки засунуты в карманы кожаного реглана.

Он — командир подводного атомохода... Вот и сбылась мечта.

Лаг отсчитывал мили, а сколько будет их ещё впереди в беспокойной, но радостной жизни молодого подводного капитана!..

Не прячась от брызг и ветра, он смотрел на затянутый дымкой далёкий горизонт. Там широко разлилась резко очерченная полоса синих вод. Там — океан.

— Здравствуй, океан! — уважительно, как другу, сказал он, когда лодка подмяла под себя гребень первой волны.

Москва — Североморск

Декабрь 1965 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Листки из блокнота	3
Юнга	6
«Персональное» задание	15
На марсе	23
Что делать?	26
Через смерть	34
Подводный заяц	43
Шторм	48
Атака	52
Будем держаться!	61
Испытание огнём	68
Первая благодарность	76
Ночная гонка	81
Сигнал бедствия	90
Поединок	97
Катастрофа	105
Клятва балтийцев	118
Во вражеском фиорде	121
Пока бьётся сердце	129
Родная земля	133
Здравствуй, океан!	138

Д л я м л а д ш е г о ш к о л ь н о г о в о з р а с т а

Тарский Юрий Семёнович

ПОДВОДНАЯ ЛОДКА УХОДИТ В ПОИСК

П о в е с т ь

Ответственный редактор *Л. Г. Тихомирова*. Художественный редактор *Н. З. Левинская*. Технический редактор *Н. Г. Леканова*. Корректоры *Т. П. Лейзерович* и *Э. Л. Лофенфельд*. Сдано в набор 19/III 1966 г. Подписано к печати 14/X 1966 г. Формат 60×90¹/₁₆. Печ. л. 9. (Уч.-изд. л. 6,73.) Тираж 100 000 экз. ТП 1966 № 247. А18104. Цена 34 коп. на бум. № 1. Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 1 Росглаволиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Сушеvский вал, 49. Заказ № 4591.

